

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 135, декабрь 2025

АТОМНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ

Из предисловия готовящейся к изданию на итальянском языке книги Франко Палумбери "La Bomba".

Август 1945 года: две атомные бомбы – урановая и плутониевая – были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, унеся более 150 тысяч жизней. Ещё 200 тысяч умерли в течение следующих пяти лет от ожогов и радиации. Это массовое убийство имело и сознательный классовый характер, поскольку американские политики решили сжечь два японских города из-за их заводов, чтобы сломить моральный дух японского рабочего класса. Среди погибших было также от 20 до 50 тысяч корейцев, принудительно согнанных на работы – они стали двойными жертвами японского и американского империализма.

В общем счёте войн XX века ядерный холокост Хиросимы и Нагасаки – если рассматривать лишь масштаб бойни – не был исключением: достаточно вспомнить бомбардировку Токио зажигательными бомбами, унёсшую 100 тысяч жизней, или разрушение Дрездена. За «*век мегасмерти*», как его назвал Збигнев Бжезинский, в результате конфликтов погибло не менее 90 миллионов гражданских лиц и военнослужащих, среди них 30 миллионов молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Через несколько лет после августа 1945 года, во время войны в Корее, Вашингтон подумывал об использовании бомбы, но в конечном итоге воздержался; тем не менее, по оценкам американского военного командования, в результате боёв, сожжения городов *напалмом* и голода, вызванного искусственной нехваткой продовольствия на Севере, погибло до одной пятой населения Северной Кореи.

Тем не менее, сам факт того, что одна бомба могла уничтожить целый город

или вражескую дивизию, оказал потрясающее воздействие, которое вскоре лишь усилилось с появлением *водородной бомбы* – термоядерных боеголовок, в сотни раз более разрушительных, чем *атомная бомба*, сброшенная на Хиросиму.

Одним из последствий стало ужесточение военной стратегии в связи с появлением оружия, которое могло нанести сокрушительный удар по противнику, но также могло вызвать ответный *второй удар*, запустив саморазрушительную, даже апокалиптическую спираль. Генри Киссинджер был одним из главных участников дискуссии 1950-х годов, в которой в качестве альтернативы тупиковой доктрине *массированного возмездия* был предложен *гибкий ответ*, то есть комбинированное и градуированное применение обычных сил и тактического ядерного оружия. Смысл состоял в том, чтобы сохранить связь между войной и политикой, сформулированную Карлом фон Клаузевицем, и преодолеть парадокс оружия, настолько мощного, что его невозможно использовать. «*Так политика превращает неукротимое явление, каким является война, в послушный инструмент*», – писал он в 1957 году в статье «Ядерное оружие и внешняя политика». «*Ужасный боевой меч, который нужно поднимать двумя руками и всей силой тела, чтобы нанести удар, единственный смертельный удар, политика превращает в лёгкое фехтовальное оружие, удобное и полезное как для атаки, так и для защиты, и для финтов*».

Показательно, что в итоге сам Киссинджер в книге «Мировой порядок» (2014) пишет, что «*теоретические усилия не увенчались успехом*», и в конечном итоге обе стратегические школы в США и СССР «*молчаливо сошлись на концепции взаимного гарантированного уничтожения*»: «*Исходя из того, что обе стороны обладали ядерным арсеналом, способным пережить нападение, целью стало стремление уравновесить угрозу, чтобы никто не отважился перейти от слов к делу*».

Вторым следствием стала гонка ядерных вооружений, количественное и качественное развитие которой – 65.000 боеголовок в середине 80-х годов, оснащение МБР разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), формирование *триады* сдерживания на суше, в воздухе и на море – выходит за рамки даже самой логики MAD, *взаимного гарантированного уничтожения*, поскольку такой потенциал способен несколько раз уничтожить не только противника, но и всё человечество. Такая диспропорция между средствами и целями частично объясняется влиянием, как в США, так и в СССР, соответствующих военных групп военно-промышленного комплекса, с чрезмерной гонкой вооружений систем *триады*.

Кроме того, когда серия поправок к MAD распространилась на противоракетную оборону со стратегической оборонной инициативой (СОИ) Рональда Рейгана – *космическим щитом*, ставившим под сомнение стратегическую стабильность взаимной уязвимости, – именно бремя перевооружения оказалось фатальным для СССР Михаила Горбачёва. Несоразмерность ядерных сдерживающих факторов, возможно, и была *непреднамеренным результатом* противостояния, но в конечном итоге Москва не смогла выдержать конкуренцию, когда падение цен на нефть сократило поток доходов, которые финансировали как гипертрофию *военно-промышленного комплекса*, так и задержки и низкую производительность её государственного капитализма.

В конечном итоге за фасадом соперничества «на равных» между двумя глобальными ядерными сверхдержавами преобладала объективная логика империалистических соотношений сил. В конце концов, даже катастрофический исход холодной войны в виде имплозии 1989–1991 годов подтвердил характер *действительного раздела* между США и СССР. Вашингтон и Москва никогда не были по-настоящему равны и никогда не намеревались вести войну, тем более ядерную. Драматургия их смертельного противостояния, построенная на взаимной угрозе ядерного уничтожения, служила маской их реальной конвергенции в деле удержания европейского империализма в разделённом виде. Наш марксистский анализ на протяжении десятилетий следил за стратегическим противостоянием в области ядерного вооружения, но если бы он ограничивался только этим аспектом – его военно-техническим измерением, его доктринами, его риторикой для общественного мнения – без

учёта всех сфер империалистического противостояния, он бы неправильно истолковал реальные соотношения сил между державами и их динамику, которая была многополярной задолго до того, как биполярность стала доминирующей картиной мира.

С другой стороны, неверно и то, что эти огромные средства сдерживания якобы не использовались и не используются. Они используются на стратегическом уровне – как угроза или как защита от угрозы со стороны других; и на политическом уровне – как подтверждение суверенного статуса тех, кто может угрожать, не оказываясь при этом под угрозой: это и есть *ядерный скипетр*, который отличает державы, *обладающие* ядерным оружием, от тех, которые им не обладают. Но это только одно из измерений противостояния, исход которого определяется силой в широком смысле – экономической, политической, военной – а не только ядерной.

Всё в той же книге «Мировой порядок» Киссинджер отмечает, что гигантскому разрастанию ядерных средств сдерживания соответствовал и концептуальный дрейф: «*Подобные расчёты видятся ныне сюрреалистическими, тактика сдерживания строилась на "логических" сценариях, предполагавших такой уровень потерь, понесённых в считанные дни или часы, который превосходит совокупные потери за четыре года мировой войны. Поскольку ни у кого не было опыта использования этого оружия на практике, сдерживание зависело в значительной степени от умения воздействовать на противника психологически*».

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.

Ренато Пасторино
Их политика и наша политика
288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.
ISBN 978-5-6042357-2-0
Цена 350 руб

Содержание

АТОМНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ.....	стр. 1
Кризис порядка и ядерное перевооружение	стр. 2
Дилеммы индийского отставания	стр. 3
Американский пузырь и европейская задержка	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Моря, небо и космос в европейском сдерживании	стр. 5
Теоретические и политические сражения Арриго Черветто.....	стр. 6-7
<i>Хроники нового американского национализма</i>	
Элбридж Колби – первая скрипка Пентагона	стр. 8
<i>Военная промышленность Китая</i>	
Пекин демонстрирует своё перевооружение.....	стр. 9
<i>Демографические и миграционные тенденции</i>	
Всеобщий спад рождаемости	стр.10
Брюссель поднимает ставки в игре вокруг МЕРКОСУР.....	стр.11
Пособническое молчание.....	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА.....	стр. 12

Кризис порядка и ядерное перевооружение

(начало на стр. 1)

Киссинджер интерпретирует в этом ключе позицию, занятую Мао Цзэдуном в 1957 году, когда, к изумлению Никиты Хрущёва, он заявил, что Китай готов пожертвовать сотнями миллионов жизней в ядерной войне. На Западе это было воспринято как признак эмоциональной неуравновешенности или идеологического фанатизма, но на самом деле *«китайским лидером руководил трезвый расчёт: чтобы противостоять военным возможностям за пределами предыдущего человеческого опыта, необходимо продемонстрировать готовность к самопожертвованию за пределами человеческого понимания»*.

Следует также добавить, что всего пять или десять лет до этого Мао на собственном опыте убедился в том, что Запад не испытывает никаких угрызений совести, нанеся Японии атомный удар и лишив Корею пятой части населения, пусть и с помощью “конвенциональных” средств, таких как напалм и голод. Так или иначе, в 1964 году Китай создал атомную бомбу, а в 1967-м – водородную. По мнению Раймона Арона (“Имперская республика”, 1973), разрыв между Москвой и Пекином был также связан с требованием Хрущёва увязать предоставление Китаю атомных технологий с интегрированным ядерным командованием, как это было в НАТО между США и западноевропейскими союзниками и в Варшавском договоре между СССР и Восточной Европой.

Шарль де Голль утверждал, что ядерное оружие *force de frappe* должно было защищать Францию и от США, которые претендовали на роль *«злоупотребляющего защитника»*; Париж испытал свою первую плутониевую бомбу в 1960 году, а водородную – в 1968-м. Безграничная бравада, с которой Мао сказал Хрущеву, что не боится ядерного холокоста, также была отказом признавать *«неправомерный протекторат»* империализма СССР над молодым китайским капитализмом. Атомные испытания 1964 и, особенно, 1967 годов закрепили независимость Пекина и, по сути, сопровождали русско-китайский кризис; аналогичным образом, *force de frappe* закрепила стратегическую автономию Франции, которая в 1966 году вышла из военного командования НАТО, сохранив при этом политическую приверженность Атлантическому альянсу. Не случайно с тех пор Франция и Китай разделяют одну и ту же доктрину *достаточной обороны*, или *ядерной достаточности*, – ограниченно-го сдерживающего потенциала, достаточного для сохранения способности нанести *второй удар*, чтобы удержать любого противника от угрозы *первого*.

В стратегическом контексте, определявшемся доминирующей доктриной *биполярности* США–СССР, для обеих стран – Франции и Китая – обладание сдерживающим фактором было подтверждением меры автономии от *двух сверхдержав*, что лишь доказывало: понятие *биполярности* было, по меньшей мере, недостаточным для отражения реальных отношений глобального баланса. Британский сдерживающий фактор имел двойственный характер. Лондон испытал свои ядерные заряды – на основе деления и синтеза – раньше Парижа, в 1952 и 1957 годах, но остался зависимым от Вашингтона в области ракетных технологий и частично подводных лодок, а также не отказался от интегрированного командования НАТО: для Соединённых Штатов поддержка британского сдерживающего фактора стала способом уравновесить автономию Франции.

Это приводит нас к третьему следствию атомной эры, начавшейся с Хиросимы и Нагасаки: в определённой степени *мировой порядок*, понимаемый как баланс сил между великими державами, нашёл свое отражение в *глобальном ядерном порядке*; с конца 1960-х годов его санкционирующим инструментом стал ДНЯО, Договор о нераспространении ядерного оружия.

Киссинджер также указывает на парадокс, присущий *биполярной* составляющей этого глобального порядка. Именно контекст *взаимного гарантированного уничтожения* привёл к тому, что *«наиболее грозное оружие, расходы на которое составляли львиную долю в оборонном бюджете сверхдержав»*, утратило своё значение в реальных кризисах, которые они сами детерминировали: *«Взаимное самоуничтожение превратилось в механизм поддержания международного порядка. Когда во время холодной войны Вашингтон и Москва регулярно бросали вызов друг другу, это была имитация войны. В разгар ядерной эпохи, как ни удивительно, ключевое значение имели обычные вооружённые силы. Военные столкновения того времени происходили на отдалённой периферии – Инчхон, дельта реки Меконг, Луанда, Ирак и Афганистан. Мерилом успеха являлась эффективность поддержки местных союзников. Короче говоря, стратегические арсеналы ведущих держав, несоизмеримые с мыслимыми политическими целями, создавали иллюзию всесилия – иллюзию, которую опровергал ход событий»*.

Ещё одним парадоксом, по мнению Киссинджера, является то, что великие державы сосредоточили столько ресурсов на атомных средствах сдерживания, что открыли брешь для *«асимметричной»* тактики новых региональных держав. Суть её заключалась в затягивании войн до точки, когда под угрозой оказывалась уже внутренняя устойчивость великих держав, что усугублялось колебаниями общественного мнения вокруг поддержки этих зарубежных операций: *«так было с войнами Франции в Алжире и Вьетнаме, с войнами США в Корее, Вьетнаме, Ираке и Афганистане и с войной Советского Союза против Афганистана»*.

В “Мировом порядке” также рассматриваются трудности *нераспространения* и реализации договора ДНЯО, но здесь бывший госсекретарь США упускает из виду один момент. Без внимания оставлен ещё один парадокс: именно в своих *прокси-войнах*, то есть войнах по доверенности в различных регионах, и именно в процессе управления утверждением новых региональных держав старые ядерные державы – прежде всего Соединённые Штаты – способствовали ядерному распространению или, по крайней мере, терпели его: так было в случаях Израиля, Пакистана, Индии и Северной Кореи, а также, если угодно, в ситуации *ядерной латентности* или *порогового состояния* Японии и, в меньшей степени, Германии. В материалах, которые мы собрали для предисловия к этой книге, мы определили это как *действительный ДНЯО*, то есть фактическое состояние *ядерного порядка*, отражающее до сих пор изменения в отношениях между державами.

Если старому *глобальному порядку* соответствовал и *ядерный порядок*, то возникает вопрос, что произойдёт с последним в условиях развёртывания *новой стратегической фазы и кризиса порядка*. В предисловии собраны некоторые из наших последних материалов, которые сводятся к четырём направлениям.

Первое – ядерное перевооружение Китая. Ожидается, что в течение десяти лет

он будет располагать от 1000 до 1500 боеголовок, развёрнутых во всех звеньях *триады*, и, таким образом, достигнет количественного и качественного уровня, сопоставимого с нынешними сдерживающими факторами США и России. Это вводит новое уравнение силы, баланс между *тремя великими ядерными державами*, стратегические и концептуальные последствия которого ещё даже не были изучены. Известно, что новая американская ядерная доктрина, частично засекреченная, предусматривает увеличение числа развёрнутых боеголовок, возможно, до более чем 3000, именно в связи с беспрецедентным состоянием *трёхполярного* противостояния с двумя другими крупными ядерными державами.

Второе направление – это перевооружение Азии, связанное как с ростом мощи Китая, так и с уже очевидными сомнениями в надёжности американского *расширенного сдерживания*. Токио уже приступил к перевооружению в области конвенциональных ракет, которое, однако, происходит в серой зоне, которую некоторые называют *конвенционально-стратегической*, из-за того, что такие высокоточные вооружения могут быть использованы и против ядерного противника, в данном случае Северной Кореи и Китая. Это сочетается с *ядерным порогом*, достигнутым Японией, которая обладает всем процессом переработки отходов атомных электростанций в плутоний для военных целей. Быстрое развитие Японии отражается в развитии Южной Кореи. В Сеуле более откровенно, чем в Токио, обсуждается вариант ядерного перевооружения; промежуточной целью является приобретение статуса *порогового государства*, аналогичного японскому, и согласованная с Вашингтоном программа по строительству флота атомных подводных лодок. В зеркальном отражении дебатов Токио и Сеула, эта последняя возможность также обсуждается сейчас в Японии: хотя это и не влечёт за собой нарушение договора о нераспространении ядерного оружия, очевидно, что это представляет собой ещё один шаг к созданию сдерживающей силы, что повлияет на всю региональную стратегическую картину.

Третьим направлением является европейское перевооружение, в рамках которого ЕС, и особенно Германия, следуют примеру ускорения перевооружения в Японии. Особенностью движения к *европейскому сдерживанию* является координация действий Парижа и Лондона, к которым Берлин и другие европейские столицы готовы присоединиться в отношении многих неядерных аспектов сдерживания и обороны в целом: ракет, спутников, систем разведки и связи, вплоть до простого финансового вклада.

Наконец, четвёртое направление – это ядерное распространение среди средних держав, процесс, который уже идёт, как видно из картины *действительного ДНЯО*, но который ускоряется *кризисом порядка*. Здесь узловым центром является Средний Восток: Иран оказался в шокном состоянии в результате израильских и американских ударов по его объектам по обогащению урана; Саудовская Аравия и Пакистан заключили соглашение, предусматривающее формы совместного использования ядерных технологий; сама Саудовская Аравия через соглашения Авраама стремится получить от Вашингтона согласие на *статус пороговой ядерной державы*, близкий или равный статусу Японии; Турция и Египет обладают достаточным ве-

сом, чтобы преследовать те же амбиции. На латиноамериканской стратегической арене, охваченной напряжённостью, вызванной инициативой США в отношении Венесуэлы, Бразилия демонстрирует намерение сделать, по крайней мере, несколько шагов к созданию сдерживающего потенциала, запустив, как Южная Корея и, возможно, Япония, программу по созданию подводной лодки с ядерной силовой установкой.

Как видно, все четыре тенденции сходятся в том, что общее перевооружение, происходящее во всех державах *унитарного империализма*, приобретает специфический характер *ядерного перевооружения* и распространения ядерного оружия, – и это именно то, что *кризис порядка* привносит в *кризис ядерного порядка*.

В книге Франко Палумбери этот вопрос рассматривается с другой точки зрения. Это история *индустриализации науки*, которая в 40-е годы позволила реализовать Манхэттенский проект, вплоть до бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Это сеть учёных из Европы, которые в конечном итоге присоединились к американскому проекту, за которым стояла империалистическая сила, необходимая для его реализации, – проекту, который после войны позволил ускорить собственную гонку за *бомбой* во Франции и Великобритании. Это перспектива ядерной программы в СССР, где уже в августе 1949 года была испытана первая бомба на основе деления плутония, а в августе 1953 года – первая термоядерная бомба: силы производственного аппарата Москвы были задействованы до предела, вклад шпионской деятельности ускорил процесс, но по-прежнему недооценено, насколько физическая школа СССР была на уровне западных, с которыми, кстати, она была тесно связана. Если война завершила империалистическую трансформацию СССР, то достижение статуса ядерной державы стало её венцом.

То, что объединяет две перспективы – стратегическую и политическую роль атомных сдерживающих факторов в империалистическом соперничестве и индустриализацию науки, сделавшую возможным само существование этих факторов, – это демонстрация глубинного, неразрешимого противоречия капиталистического общества. Наука и производительные силы преобразовали мир, но в силу внутренней природы капитала и империализма разделили его в борьбе за власть, приведшей к катастрофе войны и атомного холокоста. Капитал разрушает то, что он создаёт.

Хиросима и Нагасаки стали кульминацией *разрушения порядка* во второй империалистической мировой войне. Говорят, что в *послевоенном порядке* ни одна ядерная держава никогда не намеревалась действительно применить *бомбу*; её использование было, по сути, угрозой и сдерживающим фактором. Однако *кризис порядка* движет тектоническими силами противостояния держав и накапливает разрушительные силы перевооружения. Кто может сказать, будет ли варварство обуздано рациональными расчётами сдерживания – в условиях нарастания напряжённости и распространения ядерных сил, в столкновениях между малыми, средними и великими державами, в *малых войнах кризиса порядка* или в *большой войне разрушения порядка*? Только революционная стратегия может предотвратить угрозу появления новых Хиросим и Нагасаки.

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.

Дилеммы индийского отставания

The Hindu от 26 сентября пишет: «Глобальная шахматная доска изменилась. Цепочки поставок находятся в движении. Китай перераспределяет капитал. Юго-Восточная Азия строит альтернативные коридоры. Индия претендует на роль в индо-тихоокеанском уравнении, но её экспортная архитектура по-прежнему опирается на несколько прибрежных анклавов». Газета из Ченнаи, штат Тамил Наду, описывает перемещения азиатского капитала, на фоне которых Индия заметно отстаёт в интернационализации своих ключевых отраслей.

Всего четыре штата – Гуджарат, Махараштра, Тамил Наду и Карнатака – обеспечивают более 70 % всего экспорта индийских товаров, в то время как наиболее густонаселённые штаты – Уттар-Прадеш, Бихар и Мадхья-Прадеш – остаются на обочине, обеспечивая всего 5 % внешней торговли. В индийской дискуссии экспорт товаров рассматривается как показатель международной конкурентоспособности штатов. С этим связана трудность привлечения иностранных инвестиций, которые способствовали бы использованию огромного резерва рабочей силы на берегах Ганга и сбыту продукции индийских предприятий на мировых рынках, а не только на внутреннем рынке.

Пятая часть импорта Индии поступает из Китая, а десятая часть – из Юго-Восточной Азии. В то время как китайские группы экспортируют капитал в Азию, а оттуда товары в Индию, Нью-Дели опасается конкуренции со стороны соседей.

Б. В. Р. Субраманьям возглавляет NITI Aayog, агентство по развитию, созданное в 2015 году для замены Комиссии по планированию, основанной в 1950-м. NITI высказалась за присоединение Индии к азиатскому торговому соглашению RCEP и за осторожную открытость для китайского капитала. В *Business Standard* от 7 октября Субраманьям объясняет, как Индия «упустила свой поезд» по сравнению с такими конкурентами, как Вьетнам, когда в результате реструктуризации в Китае фабрики и рабочие места были перенесены в другие страны Азии. Из-за высоких пошлин, введённых «на факторы производства» в попытке защитить крупные индийские компании, Дели нанесло ущерб конкурентоспособности трудоёмких секторов, которые вынуждены закупать дорогостоящие промежуточные товары у защищённых национальных производителей. По мнению Субраманьяма, «экспортировать нужно так же свободно, как и импортировать. Если пытаться защищаться, урезая импорт, то и экспорта не будет, и тогда страна будет всё больше отставать. Крупнейший экспортёр в мире, Китай, является также вторым импортёром в мире».

Индийская дискуссия отсылает к сравнительному анализу ключевых регионов Китая и Индии, двух «азиатских гигантов», как назвал их Троцкий в 1908 году. Вспомним Большой залив Гуандуна и дельту Янцзы в Китае, наиболее интернационализированные регионы. С 500 миллиардами долларов Гуандун является первой провинцией как по импорту, так и по экспорту. Дельта Янцзы экспортировала на 1187 миллиардов в 2023 году и импортировала на 876; Большой залив – на 1083 и 897 миллиардов соответственно. Эти два крупных центра мировой торговли занимают позицию империалистического либеризма по отношению к своим азиатским соседям, с одной стороны, импортируя готовую продукцию, по-

луфабрикаты и сырьё, что снижает производственные затраты в Китае, с другой – предоставляя кредиты странам Шёлкового пути для экспорта оборудования, машин и инвестиционных товаров. Таким образом, импорт товаров и экспорт капитала являются частью азиатской реструктуризации, которая, как предупреждают в Дели, может оставить Индию на обочине.

Спор в правительстве по поводу направлений либеризма и протекционизма в Индии – это другая сторона медали. По мнению министра иностранных дел Субраманьяма Джайшанкара, большинство соглашений о свободной торговле были заключены со странами АСЕАН, которые конкурируют с Индией и чьи цепочки поставок обеспечивают путь для китайских товаров. Нью-Дели, напротив, должен заключать соглашения с «неконкурентоспособными экономиками», то есть с Великобританией, ЕС и США.

По мнению *Business Standard*, ежедневной газеты из Мумбаи, которая публикует обширные выдержки из правительственных дебатов и требует пересмотра присоединения к RCEP, собака кусает себя за хвост: «Основная причина нежелания Индии открыть свою экономику – это отсутствие конкурентоспособности, что отчасти является результатом её торговой политики» (8 октября). Та же газета считает, что Джайшанкар уходит от сути вопроса: даже «не очень конкурентоспособные» страны всегда смогут покупать товары из более конкурентоспособных источников, которых Индия лишает себя «из-за присутствия Китая» в Азии.

Пекин снял все тарифные барьеры с рядом азиатских стран, в том числе с Бангладеш; за последние десять лет импорт из Индонезии утроился; аналогичные тенденции наблюдаются с Малайзией и Вьетнамом. Большое значение имеют экспорт индонезийского никеля и малайзийской нефти в Китай. Много говорилось о связи между капиталами Шёлкового пути и сырьевыми ресурсами с позиции обвинений Пекина в захвате ресурсов. Безусловно, этот аспект также имеет значение: ресурсы составляют треть китайского импорта и растут быстрее среднего показателя после пандемии. Однако мало внимания уделяется китайскому импорту промышленных товаров, компонентов и оборудования, которые составляют почти половину всего импорта: 36 % импорта из Малайзии, 70 % из Вьетнама и 40 % из Таиланда. Ещё меньше говорится о капиталистическом развитии этих стран, которое делает возможным их торговлю с Китаем и оправдывает приток международного капитала в расширение их внутренних рынков, а не экспорт.

Учитывая вес, который приобретает интеграция азиатских цепочек поставок вокруг Пекина, «пропущенный поезд» в Дели имеет неизбежные политические последствия в условиях ускорения темпов межимпериалистической борьбы.

Комментарий Раджи Мохана в *The Indian Express* от 8 октября исходит из роли Европы в стратегических расчётах Дели и служит предупреждением о растущем индийском отставании. Мохан пишет, что после распада СССР многие «средние державы», в том числе Индия, призывали к «многополярному миру», чтобы сдержать однополярные претензии США. «Но с расширением амбиций Китая Дели начала говорить и о многополярной Азии. Сегодня появился новый уровень: признание всё более глубоких разногласий внутри Запада», меж-

ду Америкой и Европой. «Взаимодействие с этим “многополярным Западом” теперь стало важным элементом внешней стратегии Индии».

С одной стороны, Европа пытается защитить себя от непредсказуемости США, создавая «независимые оборонные возможности» и добиваясь большей стратегической автономии в рамках «плюралистического Запада». С другой стороны, Индия также развивает отношения с ЕС в рамках своей *многовекторности*, что совпадает с усилиями Нью-Дели по диверсификации своих стратегических партнёрств.

Оценка Мохана относительно поведения Индии в целом позитивна, но оставляет открытыми вопросы о внутренних ограничениях субконтинента, мешающих реализации своего потенциала в области внешней политики. Терпеливое управление Дели турбулентностью эпохи Трампа, возобновление отношений с Европой и Великобританией, поиск прагматичного баланса между связями с Россией и Западом и недавние усилия по восстановлению связей с Китаем показывают, что Индия способна удержать курс в бурных водах противостояния. «Однако пока неясно, смогут ли внутренние структуры Индии, которые по-прежнему медленно реформируются и модернизируются, идти в ногу со скоростью внешних преобразований. Без внутренней институциональной гибкости и экономической модернизации Индия рискует не в полной мере использовать новые возможности, созданные западным плюрализмом».

В той неопределённости, на которую указывает Мохан, можно найти подтверждение того, что обсуждение в целом – пусть и в разных формах – вращается вокруг задержек в открытости Индии, протекционистских ограничений и гонки экономического развития в Азии. В некотором смысле сама дискуссия является частью модернизационного импульса, который подчёркивает отставание, чтобы преодолеть его: вспомним редакционную линию *Business Standard*. Индийский слон, тем не менее, занимает четвёртое-пятое место в мировых рейтингах производства; это первая демографическая держава и пятая военная держава в мире, восьмая держава-экспортёр и шестая держава-импортёр. Скорее, трудности заключаются в переходе от *воспитательного протекционизма*, исторически связанного с молодыми развивающимися державами (начиная с Германии XIX века Фридриха Листа), к своеобразному *воспитательному либеризму*. То есть к использованию азиатского и мирового рынка в качестве фактора внешнего принуждения к модернизации по образцу китайских «реформ и открытости» 1978 года, если не по образцу индийской попытки «либерализации» 1991 года, которая, по словам её же участников, частично провалилась.

«Как и Дэн Сяопин в Китае, индийское руководство понимает, что США являются наиболее ценным внешним партнёром для ускорения национальной трансформации», – пишет Мохан в *The Indian Express* от 29 октября, противопоставляя эту точку зрения линии, отдающей приоритет китайскому капиталу. Открытость по отношению к США будет менее дестабилизирующей.

Однако остаётся проблема обеспечения защиты сельского хозяйства, без которой индийская деревня, столкнувшись с высочайшей производительностью американской агропромышленно-

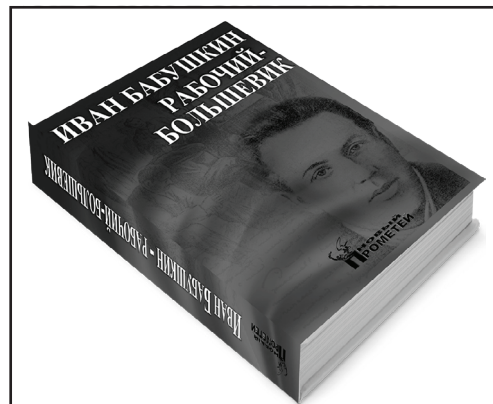
сти, погрузится в разложение. Индия уже давно борется с непростыми дилеммами: её восхождение является последним шагом империалистического развития в Азии, но он происходит в тени китайского гиганта и в условиях кризиса порядка.

Арвинд Субраманьян, консультант правительства Тамил Наду, бывший главный экономический советник правительства Модии и член Института Петерсона в Вашингтоне, в статье в *Business Standard* от 23 октября утверждает, что настоящими жертвами нового китайского торгового шока являются развивающиеся страны Юга. Поэтому открытость по отношению к Китаю требует максимальной осторожности: Пекин экспортирует капитал в Азию, как и США, Европа и Япония, но ещё не отказался от сегментов рынка, наиболее подверженных прямой конкуренции со стороны развивающихся стран.

Экономист оспаривает принятую англосаксонскими СМИ точку зрения о том, что Китай теперь сосредоточивается на высокотехнологичных секторах, которые раньше были уделом старых метрополий. По мнению Субраманьяна, промышленная реструктуризация действительно подталкивает Пекин к передовым секторам, но большая часть китайского торгового профицита по-прежнему приходится на «низкоквалифицированные» секторы, включая электронику. Если исключить развитые страны, разрыв между долей Китая в мировом экспорте этих секторов (53 %) и его долей в мировой рабочей силе (25 %) свидетельствует о том, что Китай «продолжает занимать “чрезмерное” пространство, которое могло бы обеспечить десятки миллионов рабочих мест в производственном секторе в более бедных странах».

По мнению Арвинда Субраманьяна, Китай должен быть готов «поглощать импорт и способствовать росту других стран», как это делали Соединённые Штаты после второй мировой войны, «потому что настоящие гегемоны принимают других, а не исключают их». «Гегемонистская легитимность» Китая в Азии – это политическая ставка. И настоящая дилемма Индии.

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.

**ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК**

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Американский пузырь и европейская задержка

Лопнет ли пузырь искусственного интеллекта? Этот вопрос усугубляет дилеммы, которые нынешний кризис мирового порядка подпитывает долгами, гонкой вооружений, протекционизмом, войнами и фальшивыми перемириями. После долгих лет, когда фондовые рынки противостояли встречным ветрам, становясь олицетворением устойчивости капитала к собственным кризисам, накопленные риски теперь выходят на поверхность. Самый современный сегмент листинговых компаний – сектор высоких технологий – стал магнитом для инвестиций, всего за несколько лет породив гигантов с невиданной прежде рыночной капитализацией.

“Великолепная семёрка” этого сектора (Alphabet, Meta, Microsoft, Amazon, Apple, Nvidia, Tesla) имеет рыночную капитализацию около 22 трлн долл., что составляет около 35 % от общей рыночной капитализации 500 крупнейших корпораций США. Один только лидер в области искусственного интеллекта (ИИ) Nvidia имеет рыночную капитализацию в 5 трлн долл. В ноябре во время презентации корпоративных доходов за третий квартал неопределённость относительно капитальных затрат и рентабельности, задолженности, сроков устаревания чипов и стоимости электроэнергии, необходимой для этих технологий, вызвала серьёзные потрясения на отраслевом рынке акций. Этот пузырь, как и все предыдущие, будет сопровождаться чередованием эйфории и паники, а мы в очередной раз станем свидетелями как мощи, так и гротеска мира капитала.

Два пузыря

По данным *Financial Times*, с момента запуска OpenAI своего ChatGPT в ноябре 2022 года компании, связанные с ИИ, увеличили свою рыночную капитализацию на 165 %, в то время как общий рост индекса “S&P 500” составил 70 %. Сравнение с пузырём доткомов показывает, что за последние три года его существования (с декабря 1996 года до схлопывания в марте 2000-го) общий индекс “S&P 500” вырос на 110 %, в то время как индекс акций технологических компаний NASDAQ утроился (Quinn W., Turner J. D., “*Boom and Bust*”, 2020). Циклически скорректированное соотношение цены акций компаний “S&P 500” к прибыли, которое так любят аналитики волатильности фондового рынка, достигло 45 на заключительной фазе пузыря доткомов (то есть чтобы купить компанию среднего размера с Уолл-стрит, нужно было бы получать текущую прибыль в течение 45 лет), а сегодня оно составляет 38.

Разница в международном политическом контексте, технологическом содержании и экономической мощи исключает простые сравнения между двумя пузырями, но, по-видимому, сегодняшний находится в более “прохладной” фазе, чем пузырь доткомов. Однако следует отметить, что рынки не являются герметичными отсеками. ФРС в недавнем исследовании обратила внимание на задолженность хедж-фондов, которая достигла рекордного уровня в 6,2 трлн долл., что более чем на 25 % больше, чем годом ранее. В то же время крупные банки предоставили небанковским финансовым группам кредиты на сумму 1,7 трлн долл. Часть этих денег неизбежно окажется в пузыре ИИ, но другие сектора и виды деятельности также требуют реального или фиктивного капитала – не в последнюю очередь это касается правительств, которым необхо-

димо финансировать свои долги, и военной промышленности.

В январе проявились признаки уязвимости к “внешним ударам”: китайский стартап DeepSeek запустил свою модель ИИ по цене, значительно более низкой, чем у OpenAI, который сразу же потерял 590 млрд долл. капитализации. Но это не остановило поток инвестиций в “великолепных” гигантов. По оценкам Morgan Stanley, в период с 2025 по 2028 год крупные корпорации потратят около 3 трлн долл. на строительство центров обработки данных для ИИ (ЦОД).

До сих пор корпорации, занимающиеся разработкой ИИ, в значительной степени финансировали свои инвестиции за счёт роста собственного капитала и денежных потоков. Однако в указанный четырёхлетний период более половины расходов будут поступать из внешнего финансирования, 1,15 трлн долл. – из частных кредитов, а 350 млрд долл. – от выпуска облигаций и секьюритизации. *The Wall Street Journal* описывает “круговую” модель финансирования, используемую этими корпорациями, и иллюстрирует её следующим образом: Oracle покупает чипы Nvidia, Nvidia выделяет 100 млрд долл. на OpenAI, а OpenAI имеет долгосрочные обязательства перед Oracle на сумму 300 млрд долл. Эти сети напоминают о подозрительных отношениях, в рамках которых банки, небанковские финансовые группы и специализированные компании создали искусственный рынок для фиксации цен акций во время пузыря на рынке недвижимости 2005–2007 годов.

Банки, строители, центры обработки данных и турбины

В ноябре масштабные планы по расходам и заимствованиям потрясли рынок, но, как пишет *WSJ*, «любые опасения Уолл-Стрит по поводу возможного инвестиционного пузыря в значительной степени отошли на второй план из-за страха остаться позади». Газета добавляет: «Практически каждый игрок Уолл-Стрит борется за свою долю рынка – от таких банков, как JPMorgan и Morgan Stanley, до традиционных управляющих активами, таких как BlackRock». *WSJ* заново открывает для себя один из аспектов психологии фондового рынка: желание выжать из бычьего импульса всё до последней капли. В 2007 году тогдашний глава Citigroup Чак Принс описал это так: «Пока играет музыка, вставляйте и танцуйте».

В игру также вступают менее известные, но богатые наличностью группы, – это «управляющие фондами, такие как Blue Owl, [которые] накопили триллионы долларов мощи и ищут крупные сделки, чтобы использовать эти деньги с пользой». Компания Blue Owl строит восемь зданий ЦОД в Абилине, на границе Западного Техаса, эпицентра добычи нефти методом гидроразрыва пласта. Они будут потреблять 1,2 ГВт энергии, чего достаточно для обеспечения электроэнергией примерно 1 млн домов. Центры арендуются Oracle на 15 лет. Именно на строительстве этой инфраструктуры и энергетических установок, которые будут её питать, строится тезис о том, что текущий пузырь – это «промышленный пузырь», а не просто спекулятивный.

Энтузиазм, раздувающий этот пузырь, виден по объявлениям и прогнозам. Morgan Stanley за неделю заключил сделки на сумму 75 млрд долл. на финансирование центров обработки данных. Google, Amazon, Meta и Microsoft потратили 350 млрд

долл. на ЦОДы в этом году и планируют ещё 400 млрд долл. в 2026 году. *Financial Times* уделила особое внимание росту производства газовых турбин. В связи с развитием ИИ рынок газовых турбин в США оживился после затишья, связанного с расцветом возобновляемой энергетики. По данным консалтинговой компании Dora Partners, в 2025 году сектор получил 1.025 заказов, в том числе 183 заказа на крупные турбины, что на 50 % больше, чем в среднем за последние 5 лет. Министерство энергетики прогнозирует, что к 2028 году ЦОДы будут потреблять от 6,7 до 12 % электроэнергии в США по сравнению с 4,4 % в 2023 году.

Это явление характерно не только для Америки: МЭА прогнозирует, что мировое потребление электроэнергии ЦОДами удвоится к 2030 году, достигнув 945 ТВт·ч, что превышает текущий уровень потребления энергии в Японии. Три основные американские группы в этом секторе (американская GE Vernova, японская MHI-Mitsubishi, немецкая Siemens Energy), которые несколько лет назад испытывали серьёзный кризис спроса, теперь испытывают кризис предложения с заказами на следующие три года. По данным лондонской газеты, это узкое место в поставках американских и японских турбин беспокоит “развивающиеся” азиатские страны, где спрос на электроэнергию быстро растёт. Всё это открывает возможности и для Китая.

Технологический разрыв между США и ЕС

Битва за искусственный интеллект порождает неопределённость; вполне возможно, что он найдёт применение во всех областях творческой и разрушительной деятельности человека; но, по сути, это битва за производительность и капитал. Американский рынок капи-

тала вновь демонстрирует свою мощь. Об ожесточённости этой борьбы свидетельствует тот факт, что после первого “чёрного” дня ноября одна из самых активных технологических групп призвала к вмешательству государства.

Финансовый директор OpenAI Сара Фрайар призвала к участию государства, дополняющего «экосистему банков и частных инвестиций» в качестве «поддержки, гарантии, позволяющей финансировать». Руководитель политики Белого дома в области искусственного интеллекта Дэвид Сакс сразу же исключил возможность финансовой помощи компаниям, занимающимся ИИ: «В Соединённых Штатах есть как минимум пять крупных компаний, разрабатывающих передовые модели ИИ. Если одна потерпит неудачу, другие займут её место». Этот цинизм является частью силы американского капитализма, но он никогда не мешал государству вмешиваться. В своём докладе о конкурентоспособности Марио Драги указал на «инновационный разрыв» между ЕС и его конкурентами, «прежде всего, США и Китаем». «Европа не смогла воспользоваться преимуществами первой цифровой революции, вызванной Интернетом, и теперь также отстаёт в области прорывных цифровых технологий. Около 70 % базовых моделей ИИ были разработаны в США, и всего три американских компании – “гиперскейлеры” – занимают более 65 % мирового и европейского рынка облачных вычислений. [...] Квантовые вычисления, похоже, станут следующим крупным прорывом, однако пять из десяти крупнейших технологических компаний мира по объёму инвестиций в квантовые технологии базируются в США, а четыре – в Китае (в ЕС – ни одной)».

Европа – пока лишь наблюдатель битвы в сфере искусственного интеллекта.

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.

Европейские хроники

Моря, небо и космос
в европейском сдерживании

В нашем анализе мы пришли к выводу, что наиболее вероятный путь к перевооружению ЕС лежит через создание европейского столпа в НАТО. В этом случае общее сдерживание не станет высшим проявлением суверенитета некоего континентального государства; гораздо вероятнее, что оно будет основано на совместном осуществлении государственного суверенитета на европейском уровне – в форме ядерного партнёрства. Эта оценка подтверждается авторитетным французским источником.

Ядерная “поддержка”

В октябрьском докладе *Fondation pour la recherche stratégique* (FRS) Эмманюэль Мэтр и Этьен Маркуз анализируют конкретные перспективы сотрудничества между государствами для формирования сдерживания европейского масштаба. Французское ядерное сдерживание, вместе с британским механизмом, по их словам, «составляет основу подлинного европейского столпа внутри НАТО». Создание франко-британской Группы по контролю за ядерным оружием (Nuclear Steering Group) и принятие 10 июля «Декларации Нортвуда» свидетельствуют о «смене французского понимания ядерного сдерживания», не ставя при этом под сомнение его автономии и суверенитета. «*Политическое решение начать обсуждение роли французского ядерного сдерживания в европейской оборонной архитектуре открывает возможности для сотрудничества [...] которые могут принести пользу не только европейским союзникам, но и самой Франции.*»

По примеру сотрудничества стран – членов НАТО в рамках ядерных миссий, Франция признала, что концепция *épaulement* (“поддержки”) усиливает «надёжность сдерживания». Все европейские страны НАТО – особенно те, что участвуют в ядерном партнёрстве (Бельгия, Германия, Италия и Нидерланды), – также предоставляют неядерные средства поддержки миссий: истребители сопровождения, самолёты-заправщики, самолёты ДРЛО, а также средства подавления вражеской ПВО. Аналогичным образом и другие европейские государства могли бы поддерживать французские стратегические ВВС. Авторы напоминают, что президент Эмманюэль Макрон в своей речи в *École de guerre* (2020) пригласил европейских партнёров наблюдать за учениями французских стратегических ВВС, и что итальянский самолёт-заправщик принимал в них непосредственное участие.

В *Revue nationale stratégique* за июль 2025 года эта инициатива была официально закреплена. Авторы отмечают, что доверие к европейскому измерению сдерживания можно дополнительно укрепить, разрешив размещение французских стратегических вооружённых сил на авиабазах союзников. Это напоминает предложение Жана-Доминика Мерше, опубликованное в *L'Opinion* и упомянутое нами в мае 2024 года (“Кризис порядка вновь открывает гонку за сдерживание”). По оценке экспертов FRS, подобная поддержка могла бы помочь и военно-морской составляющей сдерживания Франции и Великобритании. Европейские партнёры могли бы предоставлять подводные

лодки, корабли и самолёты морского патрулирования для обнаружения и, при необходимости, противодействия угрозам для атомных ракетноносцев Парижа и Лондона. Эти меры можно было бы реализовать быстро и «практически без затрат».

Уроки вооружённых конфликтов

Говоря о перспективах будущего сотрудничества в сфере европейского сдерживания, документ FRS пытается учесть уроки недавних войн. В войне против Украины Россия продемонстрировала эффективность своего арсенала ракет дальнего действия – ракет «в основном двойного назначения», то есть способных нести как обычные, так и ядерные боеголовки. С другой стороны, украинские удары по российской территории, в том числе по авиабазе в Ангельсе, где размещаются российские стратегические бомбардировщики, и по радиолокационной станции в Армавире, – обе связаны с российским потенциалом сдерживания, – не вызвали ядерного ответа. Это подчёркивает уязвимость таких систем к атакам «ниже порога».

Что касается недавней «двенадцатидневной войны» между Израилем и Ираном, она «показала, что региональная противоракетная оборона способна отражать массированные баллистические удары, в то время как удары в глубину [...] обеспечили израильским ВВС практически полную свободу действий в воздушном пространстве противника». «Недавние технологические достижения в области высокоточного дальнобойного оружия и дистанционно-го наведения с применением искусственного интеллекта» теперь позволяют обычным вооружениям «поражать широкий спектр целей, для которых раньше требовалось тактическое ядерное оружие». Это подчёркивает значимость более глубокого европейского сотрудничества в сфере «дальнобойного высокоточного обычного оружия» в русле текущего проекта European Long-Range Strike Approach (ELSA), который сам по себе может служить средством сдерживания и дополнительно усилит ядерное сдерживание Франции и Великобритании.

Глаз и щит

Кроме того, Европейская инициатива по созданию противоракетного щита (ESSI), запущенная Германией в 2022 году, может «стать основой будущего суверенного щита от стратегических ударов обычными вооружениями». Не случайно именно эти три элемента «стратегической концепции» Макрон предложил вынести на обсуждение в 2024 году: противоракетную оборону, дальнобойные вооружения и ядерные средства (“Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание” // “*Пролетарский интернационализм*”, июнь 2024 года).

Вклад в «стратегическую концепцию» европейского сдерживания не обязательно предполагает участие во французской или британской ядерной программе или её софинансирование; он может включать поддержку французских стратегических сил, защиту французских и британских подводных ракетноносцев, разработку дальнобойных обычных ракет – как двойного назначения, так и без него, – либо уча-

ВЫБОРЫ В НИДЕРЛАНДАХ

К удивлению многих, социал-либеральная и проевропейская партия D66 победила на парламентских выборах в Нидерландах 29 октября. Получив 1,79 млн голосов (16,9 % действительных бюллетеней), она лишь немного опередила крайне правую “Партию свободы” (PVV) Герта Вилдерса, которая собрала 1,76 млн голосов (16,7 %). Вилдерс потерял 11 мест – с 37 до 26, тогда как D66 поднялась с 9 до 26. Другими “крупными” партиями в нижней палате, насчитывающей 150 депутатов, являются либерально-консервативная VVD (22 мандата, –2); далее следует объединённый список зелёных и социал-демократов (GroenLinks–PvdA) с 20 мандатами (–5) и христианские демократы CDA с 18 (+13). Палату дополняют ещё десять партий, каждая из которых имеет менее десяти мест. Партия D66 (“Демократы 66”, по году основания) возникла с обещанием большей демократии и «практической политики», призванной принципиально отвергать «догмы» старых партий. Историк Пит де Рой рассматривает появление D66 как возрождение прогрессивного либерализма, воплощённого в Vrijzinnig-Democratische Bond (Либерально-демократическом союзе) в 1901–1946 годах. Эта небольшая политическая организация ставила своей единственной целью «демократию» и во всех прочих вопросах придерживалась «принципиального оппортунизма» (“Ons stipje op de waereldkaart”, Wereldbibliotheek, 2020). В 1973 году D66 впервые получила министерские портфели и в общей сложности входила в шесть кабинетов, став полностью признанной правящей партией.

Занимая позицию между либерализмом и социализмом, партия D66, известная своими проевропейскими взглядами, часто описывается как партия городских выпускников вузов или, с оттенком пренебрежения, как элитарная партия интеллектуалов. После разочаровывающего результата на парламентских выборах 2023 года эта партия вышла на нынешние выборы с обновлённым профилем. Новый лидер списка, Роб Йеттен, представил D66 как партию, менее озабоченную климатической повесткой и более готовую к созданию лагерей для просителей убежища за пределами ЕС. Благодаря удачным выступлениям в теледебатах и размахиванию национальными флагами на партийных съездах, 38-летний Йеттен смог противопоставить образу «осаждённой страны», продвигаемому Вилдерсом, оптимистичное видение уверенных в себе Нидерландов – не отказываясь при этом, что важно, от жёсткой линии в вопросах иммиграции. В ближайшей перспективе Йеттену предстоит сложные переговоры о формировании правительственной коалиции: для преодоления порога в 76 мест в нижней палате понадобятся как минимум четыре партии. В столь нестабильной политической среде, как нидерландская, объявлять победу над популизмом явно преждевременно. Да и сама D66, похоже, не может избежать необходимости повторять лозунги *закона и порядка*, стремясь завоевать голоса напуганных слоёв среднего класса. По всей Европе это всё заметнее превращается в новую норму их политики.

стие в создании противоракетного щита. Все эти элементы, подчёркивается в докладе FRS, должны быть взаимно интегрированы: «*Оперативная надёжность европейского столпа в рамках Атлантического альянса, сочетающего обычные и ядерные возможности, потребует большей интеграции и создания собственных структур командования, управления и разведки, которые сейчас в основном обеспечивают США.*» Совместное использование спутников, принадлежащих различным европейским государствам, усилило бы возможности наблюдения за стратегически важными районами; программа Odin’s Eye – европейская космическая система раннего предупреждения о ракетном нападении, в которой участвуют тринадцать стран, – обеспечит «космическую способность обнаруживать баллистические, гиперзвуковые и противоспутниковые угрозы».

Значит ли это, что европейское сдерживание уже близко? Реальность куда сложнее. Масштабное перевооружение Германии начинается расшатывать европейское равновесие и порождать напряжённость. В 2029 году Берлин вложит 153 млрд евро в оборону, тогда как Париж надеется достичь 80 млрд к 2030 году. К этому добавляется конкуренция за контракты между крупнейшими оборонными компаниями. Один лишь пример: именно ОНВ – бременская компания, возглавляющая европейский консорциум, создающий Odin’s Eye, – раскритиковала попытку

Airbus, Leonardo и Thales, официально объявленную 23 октября, объединить свои активы и создать крупного европейского лидера в спутникостроении.

Напряжённость вокруг Берлина

Тем временем Rheinmetall, немецкий гигант по производству артиллерии и танков, рассчитывает распахнуть для себя двери в космическую отрасль, добившись заказа как минимум на 3 млрд евро на создание группировки радиолокационных спутников для бундесвера – благодаря своей 60-процентной доле в совместном предприятии с финским производителем спутников Iceye (*Handelsblatt*, 24.10.2025). С другой стороны, *Le Monde* сообщает о «тревоге» французской космической промышленности по поводу немецких амбиций, подкреплённых «революцией» в военном финансировании Берлина. 25 сентября министр обороны Германии объявил, что к 2030 году на ракетоносители и спутники будет выделено 35 млрд евро – в среднем 7 млрд ежегодно. Эта сумма сопоставима с нынешним годовым бюджетом всего Европейского космического агентства. Париж, «ослабленный политически и финансово, не в состоянии за ним угнаться»; сегодня «рычаги влияния находятся в руках крупнейшего заказчика» (23.10.2025). Всё это – столкновения интересов, которые будут определять ближайшие годы европейского перевооружения.

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.

Теоретические и политические

V

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Ленинистская тактика в кризисе школы и профсоюзная тактика в отношении перспектив тред-юнионизма уже дали в Генуе такие результаты, что это вызвало тревогу у ИКП, но когда в условиях кризиса реструктуризации оппортунизм выступил в поддержку политики жёсткой экономии, а ленинисты – защиты заработной платы, реакция оппортунизма стала яростной, в соответствии со сталинским сценарием клеветы и запугивания.

«В те годы я работал над тем, чтобы то, что было традицией для моего поколения, стало общим достоянием нового поколения. Необходимо было отбирать, дисциплинировать, объединять. Чтобы сделать это, нужно было навязывать себя. Стихийное движение студентов и рабочих, неспособное найти профсоюзный путь для решения кризиса нарушения равновесия в Италии, в 1974 году обратилось к крупнейшей оппортунистической и межклассовой организации, которая имела наиболее разветвлённое присутствие и наибольшее количество проверенных людей – ИКП. С 1974 по 1976 год, в течение трёх лет, тысячи ручейков пополняли реку ИКП. Тенденция к формированию двухпартийной системы в Италии, основанной на ХДП и ИКП, была сильной. На это делали ставку некоторые влиятельные группы, такие как FIAT. На это же рассчитывала и линия Картера–Бжезинского, которая изобрела так называемый “еврокоммунизм”, полагая, что у неё есть ещё одна карта, помимо китайской, которую можно разыграть в отношениях с СССР.

Я опасался, что новое поколение, собравшееся вокруг нашей организации, не имело достаточного опыта, чтобы противостоять операции по накачиванию численности ИКП, проводимой влиятельными финансовыми группами и пропагандируемой основными органами прессы и еженедельниками, которые читала молодёжная аудитория. Наиболее обсуждаемыми темами были обновление, молодёжное движение, эмансипация женщин – которые отражали изменения, произошедшие за двадцать лет бурного экономического развития в социальном составе, доходах, потреблении, демографическом составе итальянской империалистической метрополии. Огромная масса выпускников вузов – детей рабочих, служащих, крестьян, мелкой буржуазии – чрезмерно раздувала государственную бюрократию. Число учителей достигло почти миллиона. ИКП предоставляла идеологию, необходимую для оправдания стремительного роста социального паразитизма и [...] придания ему флёра “прогрессизма”. Кампания за право на развод была наиболее ярким примером проводимой операции и доказательством новой социал-империалистической идеологии, которая заражала предыдущие идеологии, подхалимски соглашаясь с паразитическими потребностями нового интеллектуального поколения, воспитанного расширением доли Италии в распределении мировой прибавочной стоимости. Присоединиться к этой тенденции в духе троцкистского “посредничества” стало бы самоубийством. Противостоять ей, чтобы сохранить возможность интернационалистических действий в будущем, означало рисковать политической и даже физической ликвидацией. Внедрять, даже в зародышевом состоянии, чуждый фактор, такой как организация большевистского

типа, в условиях сильных социал-империалистических тенденций означало провоцировать отторжение.

Но другого выхода не было. Я провёл целые годы, изучая провал троцкизма и анархизма в 1930-е годы, в Испанской войне, во второй империалистической мировой войне. Я тщательно изучил, как контрреволюция политически и физически уничтожила любую попытку восстановления революционной традиции. Я тщательно проанализировал все ошибки Троцкого, ПОУМ, CNT, коммунистов-диссидентов в Италии. Опросил десятки участников, чтобы по-настоящему понять происшедшее, и поэтому никогда не доверял только письменным источникам. Когда в 1950 году я достиг соглашения с Пьером Карло Мазини, у меня уже были совершенно ясные представления на этот счёт, потому что в течение пяти лет я не занимался ничем иным, кроме как уточнением этих представлений. Я был полон решимости не останавливаться там, где отступил Бордига. Я прекрасно понимал, что значит создать организацию, пусть даже небольшую, ленинистского типа после десятилетий оппортунистического господства. Онорато Дамен сказал мне, что я “делаю шаг длиннее собственной ноги”¹. Я не ответил ему, потому что отвечать было бесполезно. Оставалось только действовать и рисковать. Как всегда, рискуешь, когда действуешь.

В 1957 году я думал, что до того, как в Италии укрепится прочный социал-империализм, есть возможность использовать пару десятилетий для построения революционной партии. Если бы не удалось воспользоваться этой возможностью, то шансы на её появление в будущем были бы утрачены на неопределённое время. Когда в конце 60-х годов появились студенческие и профсоюзные движения, я подумал, что под прикрытием этих путаных движений можно было бы создать ленинистскую партию, не будучи полностью изолированным и обречённым на уничтожение.

Но когда эти движения утратили всякий намёк на прежний путаный максимализм и оказались поглощены ИКП, попытка внедрить ленинизм в Италию оказалась в изоляции. Оппортунизм, прямо и косвенно подстрекая разномастные группки, пытался уничтожить нас тысячами способов: с помощью клеветнических кампаний, физических нападений, различного давления. Нападение было жестоким и продолжалось несколько лет, но новое поколение выдержало испытание».

Как мы отмечали в третьем томе истории Lotta Comunista, «в некотором смысле миланское сражение было более ожесточённым, более яростным и более продолжительным, чем в Генуе, но именно Генуя уже показала путь глубокой работы в пролетариате»; в самый разгар кампании нападок «практически ни одна буржуазная газета не осталась в стороне от хора клеветы»; после десятилетий контрреволюции «не хотели принять, что пролетариат нашёл в большевистской организации силу, способную восстановить коммунизм и интернационализм». Поэтому исход этих двух сражений определил все последующие десятилетия: «Клеветники и агрессоры исчезли, ИКП была сметена крахом государственного капитализма. Lotta Comunista укоренила большевистскую модель в итальянской метрополии и, следовательно, в Европе. Коммунизм и интернационализм имеют свою опору в классе».

Оценка Черветто того определяющего момента фактически является заключением “Тетрадей” его политических мемуаров: «Это был самый важный результат в моей жизни – и как револю-

ционер, и как человека, потому что это был коллективный результат. Я многому научился в те годы ожесточённой борьбы, научился у всей организации, у каждого, даже самого скромного милитанта, и как никогда раньше почувствовал себя простым бойцом, как многие другие, защищавшие организацию и испытывавшие гордость и страсть к борьбе, которую история движения когда-нибудь будет праздновать. Я хотел быть с ними, потому что чувствовал себя одним из них, потому что это были товарищи, которых я ценил больше всего, потому что я родился политически именно на передовой, где нужно было рисковать больше всего. Это был мой шаг, и это была моя нога. Пока я смогу двигаться, они всегда будут такими. Бесполезно иметь ноги, если иногда не пытаешься сделать более широкий шаг».

Туринское сражение несколько лет спустя стало следствием европейской реструктуризации в узком смысле этого слова. Создание ЕВС, Европейской валютной системы, лишило итальянские группы возможности прибегать к конкурентной девальвации лиры; FIAT в последний раз попыталась пойти по этому пути, но натолкнулась на отказ Карло Адзельо Чампи, нового управляющего Банка Италии; в истории «35 дней» для FIAT, ИКП и профсоюзы оказались в ловушке максималистской гонки, не осознавая реально соотношения сил в реструктуризации и необходимости организовать «упорядоченное отступление» класса.

Укоренение партии в Турине пережило важный момент своего становления, но этот перевод “Что делать?” в практическое русло стал уроком для всей организации. На уровне анализа было систематизировано изучение крупных групп и реструктуризации; на теоретическом уровне именно линия Чампи позволила углубить понятие монетарной власти.

Интернационалистское сражение относительно “нового противостояния”

После итогов, подведённых Черветто в “Тетрадах”, произошли ещё три сражения. Первое касалось отношений между державами. В январе 1980 года началось вторжение СССР в Афганистан; в августе в Польше начались забастовки, которые в следующем году привели генерала Ярузельского к введению военного положения; в сентябре начался конфликт между Ираном и Ираком.

Это было новое противостояние – фаза конфликтов, в ходе которой великие державы проверяли соотношение сил, изменившееся в результате десятилетий неравномерного развития и кризиса реструктуризации. Наряду с интернационалистской политической инициативой, новая ситуация требовала систематизации и развития марксистской теории международных отношений; предисловие к “Унитарному империализму”, многие размышления в начале “Всемирного противостояния” и работа “Трудный вопрос времени” представляют собой теоретическую сторону этого сражения.

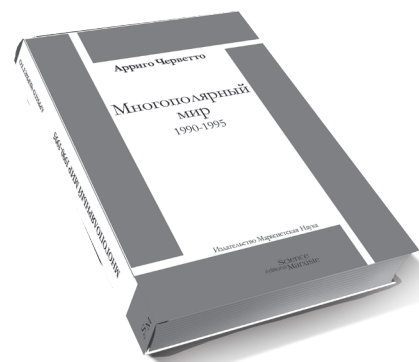
Так, в реконструкции истории партии мы пишем: «Политическое сражение партии велось на нескольких фронтах. Одним из них был интернационалистский фронт – с осуждением русского империализма и солидарностью с польским пролетариатом, борющимся против государственного капитализма. Новая ситуация требовала адекватных теоретических и аналитических инструментов, другим фронтом было изучение и уточнение марксистской теории международных отношений. Подводя итоги 70-х годов, которые были его “плодотворным десятилетием”

в плане разработки теории, Черветто воспользовался случаем, чтобы уточнить, доработать и исправить то, что того требовало: политический анализ нуждался в диалектической науке, историю и социальную психологию нужно было изучать глубоко, чтобы понять взаимосвязь между экономическим базисом и его политическими отражениями. В политическом руководстве партии речь шла о том, чтобы дать инструменты второму поколению, которое было готово взять на себя больше ответственности в руководстве и разработке. Таков был внутренний фронт политического сражения “нового противостояния”, 1980-е годы стали испытанием для второго поколения милитантов».

Социальные изменения 1980-х годов

Второе сражение касалось социальной реструктуризации 1980-х годов и распространения в Италии – в классах и в слоях классов – черт поздней зрелости империалистического общества. Если вдуматься, эти социальные условия представляли собой итог американской канвы развития Италии, сложившейся в 1960-х годах, в сочетании с последствиями реструктуризации 1970-х. Опять же процитируем отрывок из обзора истории партии: «Совокупные последствия изменений были многообразными, в соответствии с поистине “биологическим” процессом социальной трансформации. “Семья с несколькими источниками дохода”, в которой суммировались несколько заработков и состояний, стала новой формой рабочей аристократии. На фоне усиливающегося демографического спада “социальная подвижность” означала, что волне занятости в сфере обслуживания и бюрократии, в так называемом “третичном секторе”, соответствовала растущая доля иммигрантов, занятых самым неблагоприятным трудом на самой низкой ступени шкалы заработной платы. Понимание природы этого изменения было жизненно важным вопросом для партии: только благодаря научному пониманию его противоречий можно было действительно укоренить “большевистскую модель” в зрелой империалистической итальянской метрополии.

Речь шла о борьбе с новыми идеологическими формами собственнического индивидуализма, прогрессизма и субъективизма, порождёнными новыми социальными слоями, осознавая “мелкобуржуазный дух”, который проникал в класс этими путями. Но речь шла также об использовании возможностей для обращения к новым слоям –

Арриго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка, 21 карта по тексту, примечания, биографический справочник, библиография, хронология 1990-1995, алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

сражения Арриго Черветто

“техникам-производителям” и к рабочей силе, формирующейся в системе высшего и университетского образования, посредством организованного систематического воздействия на новые поколения.

Восьмидесятые годы были для партии годами теоретического, политического и организационного сражения в условиях перемен. Они оставили некоторые действительно важные теоретические завоевания: понятие “семьи с несколькими источниками доходов” как специфической формы буржуазной семьи в период зрелого империализма; “закон народонаселения”, согласно которому в зрелых метрополиях наблюдается тенденция к снижению численности населения, что влечёт за собой необходимость замещения дефицита рабочей силы иммигрантами; наконец, общие и совокупные черты этого изменения как “социальный признак” зрелости империализма. А нам остаётся окончательное испытание ленинистской организации в этих условиях.

Конец Ялты и вторжение Азии

Сражение 1980-х годов в условиях социальных изменений было последним большим сражением Черветто на поле укоренения ленинистской организации в условиях зрелого империализма. Загадка этой беспрецедентной задачи была решена.

«Потребовалось почти пятьдесят лет с момента появления “группы, стоявшей у истоков” и участие двух поколений революционных милитантов. Черветто заметил, что воспроизводство “вида партии” было настолько сложным процессом, что потребовалось более одного поколения, чтобы открыть и проверить политические формулы и подходящие методы. Преемственность первых двух поколений, поколения партизанской войны и поколения рабочей борьбы и студенческих волнений конца шестидесятых годов, теперь позволяла рекрутировать третье поколение, в условиях полной империалистической зрелости.

Это было последнее испытание, которого ещё не хватало, – и таким образом “большевистская модель” обрела свои закономерности, свои политические законы ленинистской организации. Марксистская наука дала стратегию, политический анализ определил путь в серии политических сражений, но теперь партия-наука и партия-стратегия действительно стали полностью партий-планом, потому что методы и дозировка организационной борьбы обеспечили преемственность в новом поколении и повторяемость этой связи для будущих поколений».

Организованная система работы по укоренению среди молодёжи и «техников-производителей» демонстрировала закономерность связи с каждым новым поколением и «замыкала круг с 1975 годом и сражениями в Генуе и Милане, когда на поле боя было побеждено состояние “маленькой группы”, подверженной риску маргинализации».

Последнее сражение Черветто провёл между 1989 и 1995 годами, годом своей смерти: это были годы распада СССР и воссоединение Германии, а также войны на Балканах и первой войны в Персидском заливе в 1991 году, которые вместе составили «стратегический водораздел» – с последствиями, сопоставимыми с мировой войной.

Ещё один отрывок из истории партии: «С точки зрения марксистской науки и политической борьбы партии, этот водораздел подверг испытанию и подтвердил научную основу разработок Арриго Черветто по крайней мере на трёх

“ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ”

“Классовая борьба и революционная партия” появилась в 1964 году в виде серии статей, собранных в один том в 1966 году. Черветто задумывал её как «базовый текст для ленинистского течения в Италии», эквивалент “Что делать?” для итальянской метрополии, и исходил из ленинского прочтения “Капитала” Карла Маркса, стремясь найти в нём основание большевистской концепции партии. «Думаю, что являюсь первым марксистом, который даёт такую интерпретацию ленинистской партии», – напишет он Лоренцо Пароди, – «и устанавливает настолько органическую связь между “Капиталом” и “Что делать?”»².

В путанице собственных противоречий капиталистическое развитие с регулярностью естественного закона ведёт к тому, что его экономическая общественная формация приобретает всеобщий характер. Это приводит в движение классовую борьбу и экономическую борьбу рабочих, которую организованная деятельность партии должна возвысить до уровня политического сознания отношений со всеми социальными фигурами и с государством. Эта же динамика развития, наряду с классами, движет державами и их системой государств в мировом масштабе, и это является основой революционной стратегии.

Классовая борьба, баланс сил между государствами и динамика неравномерного развития, которая движет и преобразует и то, и другое: различные условия этого процесса постепенно выдвинули на первый план три разных главы книги “Классовая борьба и революционная партия”. Здесь мы лишь укажем на это, а развёрнутое объяснение можно найти в предисловиях к пятому и шестому изданиям.

На пике экономического чуда, в соответствии с американской канвой развития, борьба за повышение заработной платы и сражение за перспективы тред-юнионизма сделали акцент на второй главе – политическом сознании, привнесённом извне в экономическую борьбу.

В 1980-е годы, с социальными преобразованиями империалистической зрелости, внимание должно было быть сосредоточено на «общей теории» первой главы и на понятии общественной экономической формации во всей сложности её взаимосвязей. Борьба за социальные изменения могла обращаться к новым слоям «техников-производителей» и на рабочую силу, получающую образование в высших учебных заведениях и университетах, – связывая партию-стратегию с новым поколением, но лишь при осознании того, что всякое условие общественной экономической формации, даже в поздней зрелости империализма, пронизано противоречиями, которые могут быть уловлены классовой партией.

С распадом СССР и стратегическим водоразделом 1989–1991 годов, с вторжением Азии и Китая, которые спровоцировали новую стратегическую фазу, и, наконец, с кризисом порядка, на первый план выходит третья глава о стратегии, а понятие сознания, привнесённого извне в экономическую борьбу, расширяется до соперничества между державами и тысячами нитей, связывающих его с положением классов.

Книга “Трудный вопрос времени” составлена из статей периода 1981–1984 годов и опубликована в 1990 году. Изначально она должна была стать частью “Унитарного империализма”, теоретическим введением к тридцати годам анализа международных отношений, однако в рамках теоретической линии империалистического развития книга может считаться завершением третьей главы текста о партии – той, в которой речь идёт о стратегии, – и является продолжением “Тезисов” 1957 года.

Связь между этапами капиталистического развития, классовой борьбой и противостоянием между государствами всегда была основой стратегии, начиная с “Манифеста Коммунистической партии” Маркса и Энгельса и заканчивая Лениным. Стратегическая несостоятельность Льва Троцкого или ликвидаторство Амадео Бордиги в конечном счёте проистекают из ограниченности анализа империалистического развития и его неравномерного развёртывания – будь то преувеличение стагнации цикла в 1930-е годы или представление о тотальном господстве американского миллиардоллара в послевоенный период. В 1950-е годы необходимо было восстановить связь со стратегической концепцией Ленина об империалистическом развитии, и это были “Тезисы” 1957 года.

Мысль, занимающая центральное место в “Трудном вопросе времени”, и сегодня является ориентиром для анализа кризиса порядка. Она направлена против «механистических и недialeктических» выводов, которые коммунистическое движение делало из кризиса после 1914 года. Ленин призывает к изучению «противоречивого движения социальной реальности», восстанавливая мысль Маркса и Энгельса: «Не бывает кризиса, который был бы необратимым, не бывает автоматического крушения капитализма. Концентрация, которая приводит к кризису, воссоздаёт вместе с тем же самым кризисом условия для возрождения мелкого производства и мелкого капитала. Империализм, который провоцирует войну и, следовательно, порождает кризис, одновременно способствует дальнейшей экспансии капитализма в мире. Противоречия, порождаемые этим всемирным процессом, столь мощны и многочисленны, что они вызывают экономические и политические кризисы, могущие перерасти в революцию при условии, что существует коммунистическая партия, способная её осуществить, и что трудящиеся массы объективно вовлечены в борьбу».

Как для Маркса и Энгельса, так и для Ленина «вопрос времени» не столько касался мирового рынка и судьбы капитализма, сколько был связан с оценкой количества и природы противоречий и субъективной способности, то есть способности его авангардной партии, использовать такие противоречия»³.

Подготовительные материалы для книги “Трудный вопрос времени” повторяли программу крупных партийных школ, которые в начале 70-х годов сформировали второе поколение Lotta Comunista. То же самое касается книг “Политическая оболочка” и “Метод и партия-наука”: наряду со стратегией Маркса и Энгельса и теорией Ленина об империализме, марксистская теория политики и государства и материалнистический метод должны были быть в багаже идей каждого милитанта.

“Политическая оболочка” содержит редакционные статьи, опубликованные в период с 1977 по 1989 год. В этих текстах также прослеживается связь с важнейшими политическими сражениями: для Черветто книга была просто результатом «кризиса нарушения равновесия», то есть теоретической стороной размышлений о «несоответствии между экономическим развитием итальянского общества и его институтами и политическими формами».

И здесь движущей силой является прогрессирующее империалистическое развитие итальянской метрополии: «Мы считали, что растущее включение экономики в европейский рынок ускорит её развитие и усилит напряжение в ней. Общество двигалось в два раза быстрее по сравнению со старым, медленным обществом, тем не менее, спровоцировавшим политический кризис конца века, либеральный кризис и появление фашизма после первой мировой войны, кризис режима Муссолини двадцать лет спустя. В два раза быстрее вся политическая машина начинала демонстрировать признаки ослабления и износа»⁴.

Присоединяясь к европейскому рынку, крупные капиталистические группы нуждались в адекватном «империалистическом государстве»; с развитием этой ситуации нарушение равновесия было связано подлужины политических сражений, от тактики в кризисе школы до тактики в профсоюзном движении, от сражений в Генуе, Милане и Турине в кризисе реструктуризации до сражений 1980-х годов, связанных с изменениями и новыми чертами империалистической зрелости.

(из вступительной заметки к “Теоретическим работам”)

уровнях: анализ государственного капитализма в СССР, анализ мирового рынка и длительного цикла развития, предвиденного “Тезисами” 1957 года, конкретный анализ международных отношений и баланса сил между государствами, с которым были связаны как раздел Ялты, так и его распад. [...] Последствия мировой войны без открытого военного конфликта требовали тщательного анализа со стороны марксистской теории; частичные войны и кризисы, которые в результате этого всё же произошли, были в центре интернационалистского сражения. И не только это: следствием этого стратегического водораздела в Азии стал новый импульс к открытости со стороны Китая, который теперь, после распада СССР, мог более свободно

обращаться к мировым рынкам; готовился перенос мирового центра тяжести из бассейна Атлантического океана в бассейн Тихого океана, сопоставимый только с переходом эпохи XVI века».

Двадцать сражений и двадцать первое

В феврале 1995 года Арриго Черветто скончался после более чем полувековой борьбы, с открытыми книгами и ручкой в руке, работая над своей последней работой “Миф о среднем классе в Азии”. Двадцать сражений и начало двадцати первого, потому что вторжение Китая было предпосылкой новой стратегической фазы: ему должен был завершиться цикл прогнозов “Тезисов” 1957 года, так как в Азии должен

был возникнуть новый империалистический гигант, способный бросить вызов державам старого порядка.

Lotta comunista, октябрь 2025 г.

1 – Дословный перевод итальянского выражения «fare il passo più lungo della gamba». Смысл фразы – “переоценить свои возможности”.

2 – Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 19.

3 – Черветто А. Трудный вопрос времени. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2007. С. 109 (перевод исправлен).

4 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО “ЦМИ «Новый Прометей”», 2010. С. XX–XXI.

Хроники нового американского национализма

Элбридж Колби – первая скрипка Пентагона

В Министерстве обороны США, возглавляемом Питером Хегсетом, заместитель министра по политическим вопросам Элбридж Колби отвечает за пересмотр оборонной политики Пентагона, подразумевающий передислокацию американских войск и военных ресурсов за рубежом. Сообщается, что Колби приостановил поставки оружия на Украину в начале июля, оказывал давление на Японию с требованием увеличить военные расходы и поставил под сомнение поставку атомных подводных лодок Австралии – в то время как именно эта сделка является одним из столпов AUKUS, соглашения о развитии оборонной промышленности, подписанного Австралией, Великобританией и США. Цель Вашингтона – подтолкнуть Токио и Канберру к тому, чтобы именно они, а не Вашингтон, стали играть ведущую роль в противостоянии с Китаем, а также к увеличению их финансового вклада в альянс.

Многие посмеивались, когда Дональд Трамп назначал телевизионщиков руководителями важных ведомств. Однако консервативный обозреватель *New York Times* Росс Даутэт предположил, что эти решения усилят «*влияние многих второстепенных должностей, таких как заместители Хегсета*». При Трампе в Пентагоне нет чёткой дирижёрской руки, и поэтому Колби фактически претендует на роль первой скрипки.

CNAS: “Азия прежде всего”

Элбридж Колби родился в 1979 году. Он – внук Уильяма Колби, директора ЦРУ в 1970-х годах, вырос в Японии, где его отец Джонатан работал в инвестиционном банке First Boston. Колби вернулся в Америку, поступил в престижную Groton School, а затем окончил юридические факультеты Гарварда и Йеля. После нескольких лет работы в Госдепе и Министерстве обороны при первой администрации Трампа он стал

научным сотрудником Center for a New American Security (CNAS) – мозгового центра, которым руководили Курт Кэмпбелл, Мишель Флурной, а с 2019 года – Ричард Фонтейн.

Флурной занимала в Пентагоне пост заместителя министра по политическим вопросам при Бараке Обаме. Кэмпбелл был вдохновителем азиатского поворота во время президентства Обамы, а позднее стал «*царём Азии*» при Джо Байдене, президенте, который учредил AUKUS и консолидировал Quad – формат сотрудничества по вопросам технологий и безопасности с Японией, Индией и Австралией. Фонтейн, ветеран Совета национальной безопасности (СНБ), работавший ещё при Джордже Буше – младшем, недавно высказал (в совместной статье с Робертом Блэквиллом) критическую оценку 2010-х годов, которые он считает «*потерянным десятилетием*» в борьбе с усилением Китая.

В 2016 году Колби, критиковавший войну в Ираке 2003 года, не присоединился к призыву 50 высокопоставленных чиновников республиканских администраций (со времён Ричарда Никсона до Буша) выступить против Трампа – это произошло незадолго до победы последнего на президентских выборах. Впоследствии Колби был назначен заместителем помощника министра обороны и вдохновил разработку “Национальной оборонной стратегии” 2018 года.

CNAS и Marathon Initiative

После поражения Трампа на президентских выборах 2020 года Колби основал Marathon Initiative – небольшой мозговой центр, в который вошли учёный Эдвард Люттвак и несколько чиновников первой администрации Трампа. Соучредителем Marathon Initiative стал экс-помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Аарон Уэсс Митчелл, а одним из ведущих участников – Якуб Григель, профессор Университета Джонса Хопкинса и бывший советник Отдела политического планирования Госдепартамента.

Митчелл и Григель утверждали, что альянсы жизненно важны для Соединённых Штатов несмотря на то, что они влекут за собой риск попадания в «ловушку», связанную с экономическими издержками и военными угрозами, которые возрастают по мере расширения гарантий безопасности и периметра самих альянсов (“*The Unquiet Frontier*”, 2016). После поражения демократов на президентских выборах 2024 года к Митчеллу и Григелю присоединился Эли Ратнер, ранее соратник Кэмпбелла в CNAS, а затем заместитель министра обороны по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе в администрации Байдена.

Среди советников Marathon Initiative также присутствуют Александр Грей – руководитель аппарата СНБ в 2019–2020 годы – и Мэтт Поттингер, некогда занимавший пост заместителя Майкла Флинна, Г. Р. Макмастера и Джона Болтона – трёх советников по национальной безопасности, последовательно уволенных Трампом. По словам Макмастера, Поттингер концептуально оформил и возглавил «*самый значительный сдвиг внешней политики в сторону Азии со времён окончания холодной войны*».

Таким образом, в Marathon Initiative и CNAS наблюдается своеобразное сочетание азиатистских, демократических и республиканских течений, а также чередование их полномочий в различных администрациях.

“Стратегия отрицания”

В книге “*The Strategy of Denial*” (2021) Колби изложил свою стратегию, направленную на то, чтобы лишить Китай возможности стать региональным гегемоном. Автор считает, что Азия – приоритетный «*ключевой регион*», Европа – «*второстепенный критический регион*», а Персидский залив – «*гораздо менее важный*». Колби подчёркивает, что хотя контроль над энергетическими ресурсами Персидского залива «*предоставляет мощный источник силы, который можно использовать в качестве рычага давления*», однако «*эта стратегическая проблема не распространяется на остальную часть Среднего Востока и Африку*», поскольку «*они не имеют никакого значения для безопасности, свободы и процветания Америки*».

Соединённые Штаты, «*гегемон в Северной и Центральной Америках*», имеют основания опасаться, что другое государство будет стремиться к гегемонии в одном из «*ключевых регионов мира*». Задача состоит в том, чтобы предотвратить это, задействовав как можно меньше сил в условиях ограниченных экономических ресурсов. Отсюда и стратегия «*отрицания*», основанная на использовании ресурсов своих союзников. В Азии она включает в себя сотрудничество с Европой, которое должно противодействовать гегемонистским амбициям Китая, но одновременно не позволять ЕС стать гегемоном в Европе.

Колби пишет, что «*наиболее вероятной альтернативой России, стремящейся к гегемонии*» в Старом Свете, является Европейский союз. «*Учитывая только трансатлантический контекст, Соединённые Штаты получают преимущество, если Европа не будет в высшей степени унифицированной сверхдержавой*». Однако Вашингтону не следует выступать против «*любой степени европейской интеграции*», а, напротив, поддерживать «*Европу, способную действовать согласованно по вопросам, представляющим взаимный интерес*». И одним из таких вопросов является усиление Китая. Это не означает, «*что Соединённые Штаты выиграют, если ЕС станет действительно единым образованием, способным установить региональную гегемонию и обременить США в сфере взаимодействия или торговли или даже исключить их*». США следует развивать сотрудничество с Европой в Азии, но не до такой степени, чтобы признать стратегическую автономию Европы.

Контргегемонистская коалиция в Азии

«Стратегия отрицания» в отношении Китая предполагает создание «*контргегемонистской коалиции*». Вашингтон, прежде всего, должен «*обеспечить эффективную защиту своих союзников*» в Азии. Колби, в частности, очерчивает периметр коалиции вдоль «*первой островной цепи*», окружающей Китай – Японии, Тайваня и Филиппин, – которым он предоставит гарантии безо-

пасности. Соединённые Штаты будут выступать в качестве активного внешнего балансира, побуждая государства слабее Китая противостоять ему. Тайвань станет «*основным сценарием*», а Филиппины – «*второй по значимости целью среди союзников США*», если Пекин примет «*целенаправленную и последовательную стратегию*».

«*Без Японии любая контргегемонистская коалиция почти наверняка распадётся*», но «*интеграция позиций [Японии и Соединённых Штатов] требует существенного изменения её оборонной модели, сложившейся после Второй мировой войны*». Именно здесь возникает давление с целью добиться от Японии увеличения военных расходов до 3,5 %, которые лишь недавно удвоились с 1 до 2 % ВВП. Токио считает это давление неоправданным. Более того, Южная Корея также должна быть включена в «*американский оборонительный периметр*».

Австралия, в свою очередь, является «*развитой экономикой со значительным военным потенциалом; она также удалена от Китая и, следовательно, имеет высокую степень обороноспособности*». Более того, она «*сильно заинтересована в передовой обороне в западной части Тихого океана*» для поддержки коалиции. Поэтому Вашингтон «*должен стремиться привлечь Канберру к подготовке сил для поддержки США в обороне Филиппин и Тайваня*». Наконец, Вьетнам в силу «*своей близости к Китаю и своего ярого стремления к независимости*» будет вовлечён в коалицию «*без необходимости или желания*» формальных гарантий, «*учитывая его традиционное избегание альянсов*».

Давление на партнёров

По словам Колби, «*ключевые региональные союзники, такие как Япония и Австралия, движутся к обороне [против Пекина] путём отрицания*», хотя «*точные контуры и характер*» формирующейся контргегемонистской коалиции «*остаются неясными*». Он может развиться на основе «*существующих механизмов, таких как Quad*», или других соглашений, более или менее формальных. Тайвань, Филиппины, Вьетнам и Южная Корея непосредственно подвержены влиянию Китая и образуют периметр, который Япония, Индия и Австралия должны защищать совместно с Соединёнными Штатами.

Однако Токио, Нью-Дели и Канберра подвержены влиянию не в равной степени: «*их положение, – заявил Колби на слушаниях в Сенате перед выдвижением своей кандидатуры, – совершенно различно*». Поэтому Вашингтон должен надавить. «*Япония слишком медленно наращивает свои оборонные усилия. Ей нужно двигаться гораздо дальше и гораздо быстрее*». «*Но существуют некоторые балансирующие действия*», предпринимаемые Токио не позволяет себе втягиваться в соперничество между США и Китаем, отстаивая свои собственные специфические интересы. Колби нацелен на «*взаимодействие с Пекином*», которое азиатские партнёры «*постоянно пересматривают*». Экономические связи с Китаем являются частью стратегии Пентагона по оказанию давления на союзников.

Lotta comunista, июль – август 2025 г.

ВОЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ США ЗА РУБЕЖОМ

Основные государства	Численность военных, чел.
Япония	52.793
Германия	34.547
Южная Корея	22.844
Италия	12.332
Великобритания	10.046
Гуам	6.795
Испания	3.627
Бахрейн	3.368
Турция	1.713
Бельгия	1.060
Пуэрто-Рико	645
Куба	567
Нидерланды	416
Греция	415
Польша	329
Австралия	315

Итого за рубежом 177.209

Источник: “Active Duty Master File”, Министерство обороны США, март 2025 г.

Военная промышленность Китая

Пекин демонстрирует своё перевооружение

Большой военный парад, прошедший в Пекине по случаю 80-летия победы в “Войне китайского народа против японской агрессии”, стал прежде всего демонстрацией силы. На торжестве присутствовали 26 глав государств и правительств стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Китайское государственное телевидение CCTV сообщило: «Парад продемонстрировал интеллектуальное беспилотное вооружение, подводные боевые комплексы, электронные и кибернетические системы, гиперзвуковые ракеты – всё это подчеркнуло растущие возможности Народно-освободительной армии Китая использовать новые технологии, адаптироваться к изменению характера войны и добиваться побед в будущих конфликтах» (South China Morning Post, 04.09.2025).

Французская газета Les Echos комментирует это с иронией, но и с тревогой: «Единственный символ мира – это 80.000 белых голубей и 80.000 воздушных шаров, выпущенных в конце церемонии. [...] К счастью для американского Генерального штаба, военное искусство не сводится к парадом, иначе было бы неловко сравнивать «впечатляющий балет, устроенный в Пекине, с провальным импровизированным парадом, прошедшим в июне в Вашингтоне» (04.09.2025).

Парижское издание отмечает, что в пекинском параде закономерно не участвовали военно-морские силы: у Китая – 370 боевых кораблей против 297 у ВМС США. The Economist напоминает, что 70 % китайских военных кораблей построены после 2010 года, тогда как у американцев – лишь 25 %. За последние двадцать лет соотношение вертикальных пусковых установок на этих кораблях изменилось с 222:1 в пользу США до нынешнего паритета 1:1.

Ядерная триада

Сегодня Китай располагает примерно 600 ядерными боеголовками, и, по прогнозам, к 2030 году их число достигнет 1000. Как отмечает Global Times, на параде «официально дебютировала стратегическая ракета воздушного базирования – это означает, что Китай становится одной из немногих стран, обладающих ядерной триадой», то есть способных наносить ядерные удары с воздуха, с моря и с суши.

С этим согласен Тимоти Хит, эксперт американской корпорации Rand Corp., который напоминает, что ранее баллистические ракеты китайских подводных лодок отличались ограниченной дальностью: «Теперь ситуация исправлена, и это означает, что Китай располагает мощным потенциалом ответного удара, что делает крайне трудным для любого противника разоружить

его одним первым ударом» (South China Morning Post, 04.09.2025).

Пакистанская реклама

Накануне военного парада премьер-министр Индии Нарендра Моди находился в Китае – в Тяньцзине проходило заседание ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), – но на сам парад он не пришёл, и у него были на то веские причины. Во время короткого воздушного боя между пакистанскими и индийскими ВВС, произошедшего в мае этого года, индийская сторона потеряла несколько истребителей, в том числе, по всей видимости, один Rafale. Судя по имеющимся данным, самолёт был сбит пакистанским истребителем J-20, запустившим ракету “воздух–воздух” PL-15 – и самолёт, и ракета китайского производства. Возможно, ракета не была распознана системой радиоэлектронной защиты Spectra истребителя Rafale и потому не была отмечена как непосредственная угроза.

Как и американские Amraam или европейские Meteor, ракеты PL-15 имеют дальность действия до 200 км и запускаются после обнаружения цели радаром на большом расстоянии. По сути, этот короткий индо-пакистанский бой стал рекламой китайской оборонной промышленности.

Военная промышленность

Если рассмотреть тридцать крупнейших военных концернов мира, перечисленных в последнем рейтинге SIPRI, то среди них окажется восемь китайских, четырнадцать американских, пять европейских компаний и по одной из России, Южной Кореи и Израиля. Китайские предприятия обладают внушительными масштабами – сопоставимыми, а порой и превосходящими Airbus и Leonardo, – но при этом остаются тесно привязанными к огромному внутреннему рынку.

Как отмечает La Stampa, пекинский парад «призван послать прямой сигнал: китайское оружие готово к экспорту – заманчивое предложение для тех стран, которые лишены доступа к американским системам вооружения последнего поколения». Немецкий исследовательский центр Merics (Mercator Institute for China Studies) напоминает, что Пекин активно направляет за рубеж представителей своей оборонной промышленности. Так, в прошлом году компания Norinco представила на парижском салоне Eurosatory самоходные и бронированные гаубицы, а AVIC из Чэнду продвигала свой истребитель J-10 на “Egypt International Air Show”.

За последние четыре года китайская оборонная промышленность обеспечила 5,8 % мирового экспорта вооружений. При этом 75 % поставок пришлось на Пакистан (63 %), Сербию и Таиланд. Остальная часть распределена между

КИТАЙСКАЯ АРМИЯ НА ВЫСТАВКЕ

В военном параде приняли участие 45 подразделений, 10.000 солдат, более сотни единиц наземной техники и 100 самолётов. Ниже – краткий обзор представленных систем.

Рост ядерного потенциала

Ядерные силы представили восемь типов баллистических ракет. Свой дебют совершили ракеты с разделяющимися боеголовками JL-1, запускаемые с бомбардировщиков, и JL-3 – новейшие ракеты подводного базирования, способные поражать цели на территории США даже при пуске из акватории Южно-Китайского моря. Они дополняются наземной ракетой DF-61, перевозимой различными транспортными платформами. Аббревиатуры не случайны: JL (морская) означает *Julang* – “Могучая волна”; JL (воздушная) – *Jinglei*, то есть “Громовой раскат”; DF расшифровывается как *Dongfeng* – “Восточный ветер”. Новинкой парада стала также ракета DF-5C на жидком топливе, дальность которой позволяет поражать цели в любой точке планеты.

Гиперзвуковые противокорабельные ракеты

Ракеты YJ-15, YJ-17, YJ-19 и YJ-20 обладают гиперзвуковой скоростью, могут устанавливаться на самолётах, кораблях и подводных лодках и способны поражать цели на больших расстояниях. Последнюю из них китайские эксперты называют “убийцей авианосцев”.

Военно-воздушные силы

Над площадью Тяньаньмэнь пролетели пять моделей истребителей-невидимок, неуязвимых для радаров. J-20, J-20A и J-20S производятся компанией AVIC в Чэнду. J-20 стоит на вооружении с 2017 года; модификация A оснащена усиленными двигателями, обеспечивающими большую манёвренность; версия S – двухместная, при этом второй пилот управляет сопровождающими дронами. Истребители J-35 и J-35A выпускаются AVIC в Шэньяне. Первая модель предназначена для базирования на авианосцах и стала новейшей стелс-разработкой ВМС Китая. На авианосцах также будет использоваться самолёт дальнего радиолокационного обнаружения KJ-600. На параде был представлен и военно-транспортный самолёт-заправщик Y-20B, оснащённый уже китайскими, а не российскими двигателями.

Дроны

На параде было показано не менее четырёх дронов с явно выраженными стелс-характеристиками. В частности, GJ-11 был представлен китайским телевидением как “верный напарник” – беспилотник, способный действовать в связке с пилотируемыми истребителями. Также были продемонстрированы наземные дроны – так называемые “чёрные собаки”, четвероногие роботы с автоматической винтовкой на спине, – а также морские беспилотники: противоминные и подводные аппараты, такие как HSU100.

Противовоздушные и противоракетные системы

На параде впервые были показаны три новые зенитные системы – HQ-20, HQ-22A и HQ-29 – дополнявшие уже известные HQ-9C и HQ-19. Эти комплексы обладают широким спектром возможностей: они действуют на ближних и средних дистанциях и способны перехватывать вражеские ракеты даже за пределами атмосферы. Эта последняя задача предназначена для HQ-29, который, по оценкам западных аналитиков, может рассматриваться и как потенциальное противоспутниковое оружие.

Системы противодействия дронам

Ещё одной новинкой парада стала лазерная система LY-1, представленная в морской и наземной версиях. Лазерное оборонительное оружие делится на два типа: ослепляющее (dazzler), которое сбивает с толку приближающуюся ракету, и высокомошное (high powered), которое её уничтожает. Судя по размерам, LY-1 относится ко второй категории. Она сопоставима с американской системой Helios, испытываемой ВМС США.

Бронетанковые войска

На параде были представлены танки Type 99A и Type 100. Последний – новейший проект, который, по мнению китайских аналитиков, стал результатом уроков, извлечённых из войны в Украине. Type 100 легче танков предыдущих поколений: он меньше полагается на пассивную броню и больше – на активные системы защиты, включающие мини-ракеты и противоракетные гранаты. Машина оснащена активным радаром с чипом на основе нитрида галлия и обычно действует в паре с броневым автомобилем, оборудованным дроном-разведчиком.

Ракетные системы

Реактивная установка PHL-16, разработанная компанией Norinco, считается китайским ответом на американский комплекс HIMARS. Она интегрирована в навигационную систему Beidou и установлена на шасси грузовика формулы 8×8, что обеспечивает быструю смену позиции под прикрытием от контрбатарейного огня. PHL-16 может запускать ракеты калибром 300 мм на дальность до 130 км и 370 мм – на расстояние до 300 км. В настоящее время 120 таких установок находятся на вооружении командования восточного военного округа, отвечающего за возможные действия в районе Тайваня.

примерно сорока странами, включая 21 государство Африки к югу от Сахары. Как отмечает The Economist, результатом этих отношений становятся не только контракты на поставку оружия, но и соглашения о добыче полезных ископаемых, строительстве инфраструктуры и военных объектов. Восемь министров обороны и десять начальников генеральных штабов африканских стран прошли обучение в китайских военных академиях. Norinco производит не только танки, но и экскаваторы, грузовые вагоны, горнодобывающее и химическое оборудование.

В годы экономического взлёта Китая политическое руководство в Пекине требовало от оборонной промышленности прежде всего роста и расширения, напоминает Merics. Сегодня приоритет изменился: отрасль должна “вертикализироваться” и сосредоточиться на военной модернизации. Для крупных государственных конгломератов это путь непростых реформ, о чём свидетельствуют приведённые данные. Однако парад призван этот процесс поддержать.

Lotta comunista, сентябрь 2025 г.

ОСТРЫЕ КЛЫКИ ДРАКОНА

Компания	Товарооборот		Доля военного производства (%)	Место в мире
	Военное производство	Совокупное		
AVIC (Aviation Industry Corp of China)	20,8	83,4	25	8
Norinco (China North Industries Corp)	20,5	76,6	27	9
CETC (China Elect. Tech. Group Corp)	16,1	55,9	29	10
CASC (China Aeros. Science and Tech. C.)	12,3	41,2	30	14
CSSC (China State Shipbuilding Corp)	11,5	48,9	23	15
CASIC (China Aeros. Science and Ind. Corp)	8,8	27,6	32	18
AECC (Aero Engine Corp of China)	5,7	23
CSGC (China South Industries Group Corp)	5,1	43,9	11	28
CNNC (China National Nuclear Corp)	1,8	39,7	4	74

Товарооборот указан в миллиардах долларов США за 2023 год.
Источник: SIPRI

Демографические и миграционные тенденции

Всеобщий спад рождаемости

«Действуют гораздо более глубокие социальные силы, которые мы с трудом начали понимать» (Колин Кларк, «Миф о перенаселении», 1973). Об этом заявил известный британский экономист и демограф пятьдесят лет назад в своём памфлете, написанном в ответ на неомальтузианские идеи, распространявшиеся в то время (Римский клуб, Пол Эрлих и др.). Эти *глубинные социальные силы*, действующие в капиталистической экономической общественной формации, лежат в основе демографических тенденций и законов, которые их регулируют. Вот что имел в виду Кларк.

С тех пор прошло ещё полвека, и за это время было проанализировано множество дополнительных факторов, чтобы оценить влияние этих глубинных социальных сил. Сегодня мы можем с уверенностью говорить о трёх ключевых процессах.

Во-первых, суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей на одну женщину – заметно снижается во всём мире с начала 1970-х годов. Через несколько десятилетий он достигнет уровня, при котором станет невозможным простое воспроизводство населения. Во-вторых, число рождений в мире достигло пика восемь лет назад и с тех пор неуклонно снижается. В-третьих, абсолютное сокращение численности населения Земли начнётся значительно раньше, возможно на несколько десятилетий раньше 2084 года – даты, когда это должно бы произойти согласно новому прогнозу ООН от 2024 года.

Многие буржуазные экономисты и демографы, многие мозговые центры давно начали задумываться, куда приведут человечество эти демографические тенденции, на которые, как на курс «Титаника», почти невозможно повлиять.

В отличие от близорукой буржуазии империалистических метрополий, марксисты всегда пристально наблюдали за этими тенденциями, впоследствии получившими название *демографической зимы* и распространившимися на весь мир. Мы сформулировали *закон народонаселения империалистической зрелости*. «Всё чаще капитал в своём слепом стремлении к самовоспроизводству использует женщин в качестве рабочей силы, но при этом не заботится о том, чтобы защитить их в качестве репродуктивной силы вида» («Пролетарский интернационализм» № 105, июнь 2023). Всё более углубленные исследования только подтверждают этот закон. «Развитие производительных сил может происходить только ценой их разрушения. Демографическая зима также является демонстрацией того, что логика капитала больше не в состоянии гарантировать непрерывность вида» («Пролетарский интернационализм» № 109, октябрь 2023).

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

На представленной диаграмме показана динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР – среднее число детей на одну женщину) с 1950 по 2021 год (оценка) и грядущие полувека (прогноз). Это результаты недавней работы Института показателей и оценки здоровья (ИНМЕ), действующего при Вашингтонском университете в Сиэтле, США. ИНМЕ сочетает медицинскую и экономическую экспертизу и отличается своей методологией демографического анализа.

В данной работе представлены оценки и прогнозы по двум фундаментальным параметрам мировой демографии: СКР и числу рождений. Сравнить их следует с базовыми показателями, подготовленными Отделом народонаселения ООН в издании World Population Prospects 2022 (см. также книгу «*Demografia e migrazioni nel mutamento epocale*», Ed. Lotta Comunista, 2023, в особенности главу 1). Только два года разделяют эти два анализа, поэтому можно провести корректное сравнение.

В двух словах, *о мире* можно сказать следующее: данные ИНМЕ не только подтверждают хорошо известную и устоявшуюся тенденцию к снижению СКР во всех регионах, но и ухудшают прогнозы WPP 2022 (а также немного уточняют оценки за предыдущие годы). Наиболее важный факт заключается в следующем: на глобальном уровне пересечение порогового уровня СКР в 2,1 (того самого, что в первом приближении обозначает *уровень воспроизводства населения* и за которым со временем неизбежно последует абсолютное снижение) ожидается около 2030 года, то есть на 25 лет раньше, чем предсказывала ООН (2055 год). А *Африка южнее Сахары*, макрорегион с самым высоким уровнем рождаемости в мире, рухнет до 2,1 не в конце века, как предсказывает ООН, а примерно в 2070 году. Это всё ещё отдалённая дата, выходящая за пределы обычно считающихся реалистичными демографических горизонтов, но, тем не менее, важна разница почти в три десятилетия по сравнению с предыдущим прогнозом. На 2022 год – момент перехода от ретроспективных оценок к прогнозам – только два макрорегиона всё ещё остаются выше порогового уровня воспроизводства населения: *Африка южнее Сахары* и *Северная Африка – Средний Восток*; последний опустится ниже порогового значения примерно через пятнадцать лет.

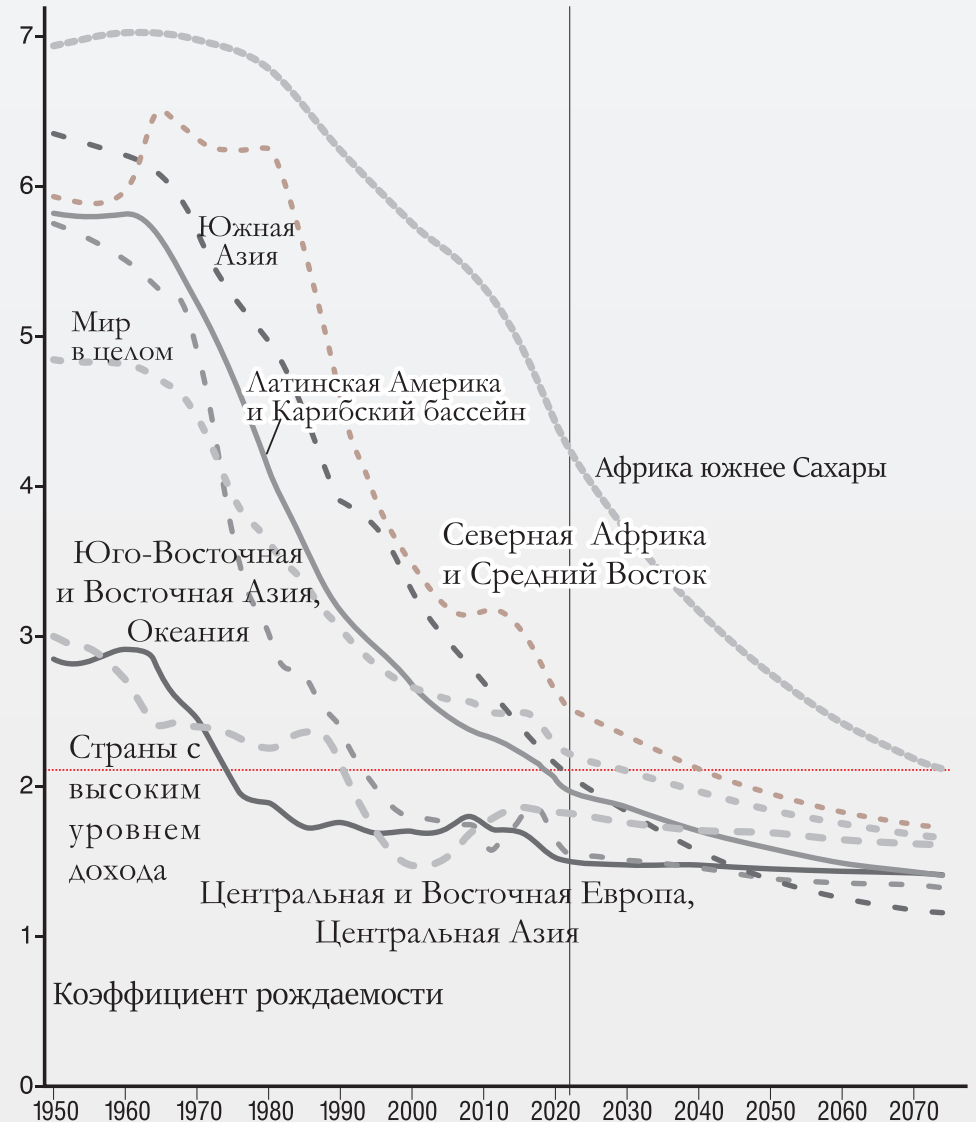
Что касается *числа рождений* отмечается, что пик в мире был уже пройден в 2016 году, почти десять лет назад, со сходными оценками ООН и ИНМЕ (142–143 миллиона). Оценки ИНМЕ прогнозируют гораздо более быстрый спад в будущем: уже в 2021 году рождаемость была на 3% ниже, чем в данных WPP 2022, а к 2050 году ожидается снижение на 7% — до 112 миллионов против 132 миллионов. Это логичное следствие ускоренного падения коэффициента рождаемости.

Если рассматривать макрорегионы мира, можно отметить, что ИНМЕ в целом пересматривает прогнозы ООН в сторону понижения, в некоторых случаях с заметными расхождениями. Особенно это касается Китая: согласно прогнозам ИНМЕ, к 2050 году СКР там составит 1,14 (против 1,39 по данным ООН), а число рождений будет на 30 % меньше – 6,4 миллиона против 9,1. *Индия*, как известно, следует за Китаем с отставанием в несколько десятилетий, и это находит отражение в прогнозах ИНМЕ; поэтому рождаемость в 2050 году прогнозируется на уровне 1,29 (против оптимистичного показателя ООН 1,78), а число рождений – 19,1 млн (–32%).

Возникает закономерный вопрос: что стоит за этой сложной альтернативной методологией оценки и прогнозирования, противопоставленной расчётам Отдела народонаселения ООН – учреждения, обладающего несомненной технической базой и 70-летним опытом? Различие в результатах объясняется различием в подходе; методология ООН восходит к долгим десятилетиям 1950–1960-х годов, когда демографические данные имели больший политический вес, чем сегодня. Это было время столкновений на Всемирных конференциях по народонаселению, алармистских заявлений об угрозе «перенаселения Юга», который якобы будет подавлять Север из-за высокого роста населения, последующего курса на ограничение рождаемости, резкого превращения Китая из страны, превозносящей демографическую мощь, в страну, которая продолжила проводить трагическую политику одного ребенка. Данные ООН, которые, как оказалось, имеют тенденцию к завышению темпов роста в развивающихся странах, были эталонными и, следовательно, *политическими цифрами*. Медленные, но неумолимые тенденции *закона народонаселения империалистической зрелости* действовали молча, обезвреживая несуществующий запал. Метод ООН почти не претерпел изменений – несмотря на критику со стороны множества исследовательских центров, практически все из которых дают более пессимистичную оценку происходящего: они, скорее всего, дают более реалистичную картину действительности, что позволит буржуазии разных стран – насколько это вообще возможно – лучше подготовиться к грядущим последствиям.

Более конкретно: в ИНМЕ учитывается дополнительный набор факторов для оценки тенденций рождаемости. В первую очередь стоит подчеркнуть важность максимально точной оценки динамики уровня образования женщин, поскольку, как известно, он оказывает существенное влияние на склонность к деторождению; в странах с высоким уровнем рождаемости повсеместно наблюдается значительное повышение среднего уровня образованности женщин. Кроме того, по мере возможности используются показатели рождаемости на поколение, т. е. измеренные по завершению фертильного возраста: это гораздо более стабильный показатель, чем оценки из года в год.

И последнее соображение. Помимо базового сценария, ИНМЕ предусматривает и другие, зависящие от того, как могут развиваться определённые тренды, в том числе возможное внедрение пронаталистской политики в странах, где коэффициент рождаемости опустился ниже 1,75. Однако проведение такой политики может самое большее повысить его на 0,2, к тому же только через несколько лет. Сценарий, отражающий совокупное развитие всех таких тенденций и достижение заданных темпов экономического роста, предполагает ещё более резкое снижение по сравнению с базовым прогнозом: в 2050 году суммарный коэффициент рождаемости в мире составит 1,65 ребенка на женщину (на 0,2 ниже базового); в странах Африки южнее Сахары – 2,03 (–0,7); в Северной Африке и на Среднем Востоке – 1,76 (–0,5); однако в Индии – 1,35 (+0,06) и в Китае – 1,31 (+0,17), исходя из предположения, что пронаталистская политика может, по крайней мере, задержать резкое падение рождаемости. По сути, чем выше темпы роста мировой экономики, тем ниже будет рождаемость – а значит, и тем быстрее настанет момент, когда численность населения планеты начнёт сокращаться.

Источник: *The Lancet*, март 2024. «Страны с высоким уровнем дохода» согласно категоризации Всемирного банка.

Брюссель поднимает ставки в игре вокруг МЕРКОСУР

6 декабря 2024 г. в Монтевидео Урсула фон дер Ляйен анонсировала завершение многолетних переговоров о соглашении об ассоциации между ЕС и таможенным союзом Южной Америки МЕРКОСУР. На пресс-конференции с главами правительств Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая президент Еврокомиссии праздновала «по-настоящему исторический» итог. Точно так же в 2019 году её предшественник Жан-Клод Юнкер говорил о том, что удалось пересечь тот же рубеж. Однако процесс оказался надолго заблокирован французским вето, которое сегодня фон дер Ляйен решила оспорить.

Спешка Европы

Новый состав Еврокомиссии приступил к своим обязанностям 1 декабря. Французское правительство Мишеля Барнье, решительно возражавшее против соглашения между ЕС и МЕРКОСУР в текущем виде, пало 4 декабря. Уже на следующий день Урсула фон дер Ляйен, неожиданно прибывшая в Латинскую Америку, заявила, что соглашение с МЕРКОСУР близко к заключению. Президент Франции Эммануэль Макрон в телефонном звонке повторил, что соглашение на текущий момент остаётся «неприемлемым» для Франции. Палаццо Киджи (резиденция правительства Италии) подтвердил, что, хотя соглашение и рассматривается как стратегический приоритет, условий для его подписания пока нет. Тем не менее, импульс европейского председателя нельзя обернуть вспять, и на следующий день соглашение было провозглашено.

В торговой дипломатии ЕС стало обычным делом приурочивать анонсы крупных международных соглашений к выгодным политическим моментам. Мы уже говорили о «либеризме с таймером», имея в виду сигналы, которые Брюссель посылал, когда использовал глобальную сцену G20: запуск торгового соглашения с Японией в 2017 году и первого соглашения с МЕРКОСУР в 2019-м. То же было со всесторонним соглашением об инвестициях (CAI) с Китаем, которое протолкнули в 2020 году в ожидании инаугурации Джо Байдена.

Ключевым в речи фон дер Ляйен в Монтевидео была «политическая необходимость» послать сигнал «открытости и кооперации» в противовес «всё более конфронтационному миру». В словах фон дер Ляйен отчётливо видно скрытое желание отреагировать на возвращение Дональда Трампа в Белый дом: «Я знаю, что сильные ветра дуют в обратном направлении – к изоляции и фрагментации. Но это соглашение – наш ясный ответ».

Внутреннее сражение

Латиноамериканский «блиц» Еврокомиссии, которая реализует свои наднациональные федеральные полномочия в вопросах торговой политики, может начать долгое сражение за ратификацию соглашения Европой. Елисейский дворец предупреждает, что «это не конец истории». Министр торговли Франции Софи Прима настаивает: «То, что произошло в Монтевидео, было не подписанием соглашения, а просто политическим заключением переговоров. Это обязывает только Еврокомиссию, не стран-членов». Франция в этом противостоянии не одинока: по словам Прима, Италия и Польша тоже отклоняют соглашение с МЕРКОСУР на текущих условиях; поэто-

му, утверждает она, «мы можем собрать блокирующее меньшинство в Совете».

Такая перспектива основана на ожиданиях, что Брюссель будет вынужден выделить из пакета соглашений главы про торговлю, так как в этой сфере национальные правительства уступили свой суверенитет в пользу континентального уровня. В этом случае, для валидации Советом ЕС, в котором представлены 27 правительств, будет достаточно квалифицированного большинства хотя бы 15 стран, в которых проживает не менее 65 % населения Европы. Более того, будет достаточно ратификации Европарламентом без необходимости вовлечения национальных парламентов. Париж угрожает сплотить вокруг Рима и Варшавы больше столиц, чтобы предотвратить возникновение такого квалифицированного большинства. Альтернативный путь – голосование за соглашение полной ассоциации с МЕРКОСУР, включая его неторговые разделы – потребует единогласия в Совете ЕС и, следовательно, теоретически может быть заблокирован одним французским вето.

Разные стратегии?

Джон Кларк, бывший чиновник Еврокомиссии из Великобритании, добавляет ещё одну процедурную головоломку на специализированном веб-сайте *Borderlex*. По парадоксальному праву ЕС, даже выделение коммерческой части соглашения потребует единогласного одобрения Совета. На этом предварительном уровне Франция уже могла бы применить своё вето. Барочная институциональная архитектура Евросоюза во многом отражает неизбежные сложности континентальной политической централизации – с её многообразием и пересечением интересов. Как всегда, реальное соотношение сил будет проверено в практической политической борьбе, которая и определит исход – сбалансированный он окажется или перекошенный, ещё предстоит увидеть.

С политической точки зрения полезней исследовать противоречивую позицию такой проевропейской фигуры, как Макрон, который в теории и на практике поддерживает стратегическую автономию ЕС. Год назад мы предположили, что президент Франции сосредоточил внимание на европейских выборах в июне и что политический баланс в Европе для него имел большее стратегическое значение, чем соглашение ЕС – МЕРКОСУР, – и это было вполне объяснимо. Что станет с ЕС, если Елисейский дворец займёт Марин Ле Пен? В недавнем прошлом французские правые сорванцы угрожали «фрекситом», что стало бы фатальным для европейского проекта. Фон дер Ляйен, напротив, может считать, что единственным реальным стратегическим решением будет «европеизировать» сорванцов, над чем она начала работать в ходе переговоров новой Еврокомиссии, в особенности с премьер-министром Италии Джорджией Мелони. Будет ли Париж двигаться в том же направлении сейчас, когда правительство Байру открывает новые перспективы?

Скудная оппозиция

Ещё один парадокс позиции Елисейского дворца заключается в том, что, с экономической точки зрения, неприязнь к МЕРКОСУР, кажется, ограничивается лишь несколькими сельскохозяйственными

ми секторами. Показательно, что открытое письмо к Макрону от 10 декабря – с призывом использовать французское право вето и предотвратить отделение глав соглашения, касающихся торговли – подписали только четыре ассоциации, представляющие производства говядины, птицы, зерновых и сахара. Похоже, животноводы имеют непропорционально большое влияние во Франции, как показывает инцидент с дистрибьютором-гигантом Carrefour.

20 ноября генеральный директор Carrefour Александр Бомпар обязал свои супермаркеты прекратить продажу мяса из МЕРКОСУР из солидарности с протестами сельскохозяйственных профсоюзов. Бомпар надеялся «вдохновить других игроков в продовольственной цепочке», в частности отельный и ресторанный бизнес. Незамедлительно последовала реакция Бразилии с политическими призывами к встречному бойкоту со стороны потребителей и крупных местных поставщиков мяса. Группа Carrefour, четверть оборота которой приходится на Бразилию, была вынуждена отозвать своё решение несколькими днями спустя и принесла официальные извинения правительству Бразилии. *Le Monde* добавляет показательную деталь: Бомпар по совместительству является президентом Федерации коммерции и дистрибуции, французского отделения европейского лобби EuroCommerce, которое совместно с ещё 80 европейскими и южноамериканскими ассоциациями работодателей только что обратилось с просьбой ускорить заключение соглашения между ЕС и МЕРКОСУР. Хотя эта «инфекция» и оказалась временной, она подтверждает, что у крупного капитала нет иммунитета перед вирусами популизма и протекционизма, даже если речь шла всего лишь о пиаре.

Повышенная ставка

Насаммите G20 в Осаке в июне 2019 года председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, в окружении канцлера Германии Ангелы Меркель и президента Франции Эммануэля Макрона, объявил о политическом соглашении с лидерами Южной Америки. Спустя пять лет Еврокомиссия под руководством фон дер Ляйен, похоже, возвращается к той же отправной точке, лишь незначительно изменив текст соглашения. Но без франко-германского сближения ей, вероятно, предстоит ещё более тяжёлая битва за ратификацию. Соглашение ЕС – МЕРКОСУР стало, безусловно, ещё более важным.

Из-за решения фон дер Ляйен вступить в борьбу с Парижем это будет одним из первых испытаний на прочность так называемого «большинства Урсулы», расширенного за счёт консервативной группы. На мировой арене возвращение Трампа, похоже, утвердит линию экономического национализма и торговый войн. Это подчеркнёт важность либеристской альтернативы, за которой гонится Европа, возможно, в сближении с многовекторной риторикой Пекина.

Однако тот факт, что такой важный договор, как соглашение об инвестициях между Европой и Китаем, остался замороженным после завершения переговоров, так и не будучи ратифицированным, демонстрирует недостаточность политики громких анонсов. Насколько существенно для Еврокомиссии вести переговоры и заключать соглашения от имени всего Евросоюза, если она не может до-

биться ратификации Советом ЕС и Европарламентом? По мнению *Financial Times*, на карту поставлен авторитет Евросоюза как политической силы. «Потерпеть неудачу однажды было досадно. Потерпеть неудачу дважды означало бы провалить ключевую возможность выступить в защиту свободной торговли перед лицом угрозы из Белого дома».

Либеристский раздел

Европейская инициатива, проводимая под знаменем многовекторного сотрудничества и свободной торговли, одновременно несёт в себе и обратное изменение – империалистический раздел мирового рынка, в том числе в регионе, который чисто географически входит в сферу влияния Соединённых Штатов. Среди аргументов, на которые в Брюсселе ссылались, объясняя необходимость завершить многолетние переговоры с Латинской Америкой, – стремительное проникновение на эти рынки китайских товаров и капиталов, сделавшее Китай главным экономическим партнёром региона. Поэтому соглашение с МЕРКОСУР имеет двойное значение для Европы: противостояние протекционистской тенденции времён упадка американского империализма в мире и сдерживание экспансии растущего китайского империализма в Южной Америке.

Стратегическая важность соглашения ЕС – МЕРКОСУР, возросшая на фоне кризиса мирового порядка и сопутствующих войн, объясняет, почему Брюссель в итоге пошёл навстречу давлению Берлина, несмотря на категорическое противодействие Парижа. Чтобы смягчить недовольство сельскохозяйственного сектора, фон дер Ляйен немедленно объявила ряд мер по его поддержке и финансированию. Тем не менее, возможно, ей неслучайно пришлось отменить своё участие в церемониях в соборе Парижской Богоматери 7 декабря. «Она поняла, что ей лучше не приезжать», – сообщил *Le Monde* источник, близкий к Елисейскому дворцу. На этом фоне битва за ратификацию обещает быть тяжёлой. Вполне возможно, что удар, нанесённый Парижу, был необходимой авантюрой; время покажет, насколько хорошо он был просчитан.

Lotta comunista, декабрь 2024 г.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Пособническое молчание

Следствием разворачивающегося демографического кризиса является старение рабочей силы. В Италии средний возраст занятых в 2024 году составляет 44,2 года: всего за пять лет он вырос более чем на два года; в 2019-м этот показатель был равен 42 годам. Такая стремительная динамика имеет неизбежные последствия для рынка труда и отношений между классами. На эту тему высказывается и *Le Monde*, ссылаясь на записку Высокого комиссара по стратегии и планированию Франции. Эти замечания особенно показательны, поскольку исходят от страны, которая первой столкнулась с демографическим кризисом, так и не сумев предотвратить его последствия.

Французские профсоюзы в нисходящей фазе социал-демократизации

Во Франции, как и в других странах, первый предлагаемый ответ на проблему сводится к тому, что если население стареет – то есть живёт дольше, – а молодёжи становится меньше, то нужно повышать пенсионный возраст, уходить с работы позже: работать вплоть до 70–71 года, в зависимости от возраста начала трудовой деятельности (*Le Monde*, 29.10.2025).

Такой ответ продиктован общевропейской реструктуризацией, и тема эта действительно актуальна для всего континента. Она знаменует нисходящую фазу той социал-демократизации, которая в минувшие десятилетия сделала пенсионное обеспечение одним из своих символов. Появление новых держав увеличило градус конкуренции на мировых рынках, и вот вновь повторяется тенденция перекладывания издержек на трудящихся, в том числе издержек, измеряемых человеческими жизнями. Не только новостные сводки, но и статистики указывают на рост опасности определённых видов работ с увеличением возраста.

Повсюду в Европе растёт сопротивление повышению пенсионного возраста. Во Франции это, в частности, стало важной частью протеста против президента и сменяющихся правительств. Среди противников следует отметить и реформистский профсоюз CFDT. Это примечательно, поскольку этот профсоюз, сегодня крупнейший во Франции, был среди фактических сторонников реформы рынка труда, реализованной президентскими декретами во время первого срока Эммануэля Макрона в 2017 году. Критика, высказанная тогдашним генеральным секретарём Лораном Берже, касалась лишь отсутствия прогресса в вопросе введения той или иной формы совместного управления. С тех пор CFDT постоянно фигурирует как своеобразная “массовая база” президентства Макрона.

Социал-империализм CFDT

Теперь же разрыв объявлен официально. Новая секретарь Марилиз Леон, находящаяся в должности с июня 2023 года, предупреждает: пенсионный вопрос «оставляет открытую рану на демократии», которая может быть исцелена только следующими президентскими выборами 2027 года, то есть уходом Макрона (*Le Monde*, 28.08.2024).

В автобиографической книге “S’engager” (“Взять на себя обязательство”) Леон излагает свою критику президента, считая его мало склонным оставлять профсоюзам пространство вне переговоров на

уровне предприятий. Следует помнить, что исторически CFDT воплощает профсоюзное течение, которое сделало “участие” своим главным отличительным признаком.

Но это лишь одна сторона политической линии Леон и её профсоюза. Другая – европеизм: «CFDT – это глубоко европейская организация, она всегда ею была и всегда ею будет», пишет она. Далее следует уточнение: «Мы боремся за европейские социальные права, такие как создание страхования на случай безработицы во всех европейских странах». И тут же добавляет: «Но это не единственная наша проблема: Европа, способная себя защитить, становится фундаментальным вопросом. Война заставляет нас действовать конкретно и особенно быстро. В CFDT мы считаем необходимым углубить европейское промышленное сотрудничество в области обороны». Социальная Европа и военная Европа: буквально – европеистский социал-империализм.

Следует помнить, что профсоюзный реформизм, предоставленный сам себе, вполне способен поддерживать социал-империалистические позиции. Повсюду.

Рука на рычаге

Статья *Le Monde* о последствиях демографического кризиса для рынка труда затем переходит к другому поводу для размышлений. Утверждается, что вызванная процессом нехватка рабочей силы порождает «инверсию» в соотношении сил между работниками и компаниями. Идея о том, что классовые отношения могут быть перевернуты даже без революции, – это миф реформизма. И всё же факт в том, что рыночные законы могут дать больше переговорной силы тому, кто продаёт рабочую силу, ставшую “редкой”, поскольку она на сегодняшний день остаётся товаром.

Мы неоднократно повторяли эту концепцию, сопровождая её оговоркой: благоприятные рыночные условия не являются рычагом для защиты трудящихся, если нет тех, кто готов ухватиться за него со всей решимостью. Здесь мы вплотную подходим к ответственности профсоюза, органа, призванного бороться за условия труда наёмных работников. В Италии в этой сфере наблюдаются проблемы, и на это обратили внимание даже за границей, в Германии: «Итальянская экономика растёт, но зарплаты падают», – гласит заголовок *Handelsblatt* от 5 ноября.

Затянувшиеся переговоры

Экономическая газета приводит анализ Европейского центрального банка, согласно которому между концом 2021 года и весной 2023-го покупательная способность упала на 5,8 %. Впоследствии она была восполнена лишь частично: «Италия с отрывом опережает все другие страны зоны евро по тому, насколько зарплаты потеряли в реальной стоимости». Следует сказать, что аналогичные результаты получены в исследованиях Европейской комиссии и ОЭСР.

Handelsblatt приводит комментарии Массимо Леннарди, экономиста Миланского государственного университета и бывшего советника премьер-министра Марио Драги. Он выделяет два элемента проблемы. Первый, чисто профсоюзный, касается системы коллективных переговоров: «Профсоюзы проводят пе-

Какая судьба, в конечном счёте, ждёт переговорные инициативы, формирующиеся вокруг конфликта в Украине? Наверняка сказать нельзя. Война – это странная матрёшка, где каждый фронт противостояния содержит собственные конфликты, которые разделяют союзников и сближают противников. Вначале Путин рассчитывал упрямиться за несколько недель, в формате специальной военной операции, в итоге же – увяз в затяжной войне на истощение. Военное преимущество больше не покрывает слабость российской экономики и зависимость от Си Цзиньпина. Пекин придерживается некой формы активного нейтралитета. Он заявил о вечной дружбе с Россией, но даёт понять, что может обменять ослабление поддержки Москвы на признание своего жизненного интереса в вопросе Тайваня.

Европа была застигнута врасплох конфликтом, подогретым в том числе американскими связями в Польше, странах Балтии и Скандинавии, с их исторической и укоренённой неприязнью к российскому империализму. В результате получилась война по доверенности между НАТО и Россией, за которой можно увидеть контуры жёсткого империалистического раздела между Москвой, ЕС и Вашингтоном. Россия обеспечила себе Донбасс и Крым, и хотела бы добиться какой-то формы нейтралитета Украины. Европа пообещала Киеву вступление в Евросоюз, но поскольку её альянс с США пошатнулся, она бросилась к контрмерам в немецком ключе: перевооружить Украину, чтобы перевооружить Европу. Америка же, в новом стиле Трампа, вмешивает в мирные планы бесстыдный коммерческий расчёт на участие в восстановлении, и даже не отказывается от классической игры баланса, чтобы разделить ЕС и Россию: ещё вчера она добивалась того, чтобы НАТО стояло у российских границ, а сегодня подыгрывает Москве за спиной Европы.

Наконец, Украина, где хищную и коррумпированную буржуазию возглавляют авантюристы, разделённые близнецы российских олигархов, порождённые разложением государственного капитализма бывшего СССР. С одной стороны, Киев истощён войной, с другой – почувал перспективу европейского рынка и фондов ЕС.

Америка, Россия, Европа, Китай, Украина: на фоне враждующих союзников и сговаривающихся противников – как мы уже видели в войне в Газе – пока на сцене разыгрывается показная дипломатия “мирных планов”, за кулисами происходят невообразимые сделки. Они сопровождаются коллективным замалчиванием как жертв войны, так и сопротивления войне. На обеих сторонах насчитывается по крайней мере 300 тысяч погибших. В Киеве судьи расследуют 290 тысяч случаев уклонения от призыва или дезертирства, в России число случаев неизвестно, у неё 1 миллион 600 тысяч человек на фронте плюс ещё 350 тысяч рекрутов в виде резервистов и мигрантов. Только интернационалистская борьба может дать им голос. Любое молчание является пособничеством.

реговоры по новым контрактам каждые три года. [...] В последнее время переговоры часто затягивались настолько, что зарплаты не поспевали за инфляцией. Базовые соглашения подписывались уже после истечения предыдущих».

Список велик. В государственном секторе только сейчас были подписаны контракты, заменившие прежние, истёкшие в 2024 году. Металлисты заключили свой контракт на 17 месяцев позже срока, причём с недостаточным результатом, в том числе по причине действительно слабой и сдержанной мобилизации. Профсоюзы телекоммуникационной отрасли подписали договор до 2028 года, поскольку предыдущий был подписан в 2022-м, фактически продлив срок действия договорённости до шести лет – без выплаты недоплаченных сумм со стороны предприятий.

Расчёты, опубликованные в газете *Il Foglio* от 12 ноября, показывают, что в годы высокой инфляции (2022–2023) были продлены только два из двадцати основных контрактов в частном секторе: таким образом, по девяти накоплена более чем годовая задержка, а по четырём – более чем четырехлетняя. «Результатом стала очевидная

экономия для предприятий и чистый убыток для работников».

Подчинение или независимость класса

Другой аспект, отмеченный в статье *Handelsblatt*, связан с «политическим климатом», что является эвфемизмом для обозначения продолжающейся зависимости итальянских профсоюзов от парламентской политики: здесь и кроется причина раскола в профсоюзной среде, который усугубляется неоднократными попытками «политического обмена» с действующим правительством, например, выторговать какие-то налоговые льготы в обмен на отказ от необходимой борьбы за повышение заработной платы. Вслух же говорится о другом, чтобы не затрагивать суть вопроса о заработной плате.

Необходимо вернуться к классовой традиции, согласно которой заработная плата и рабочее время являются основными пунктами требований. Подписанные в последние годы контракты не компенсировали накопленную потерю покупательной способности. Только целенаправленная и решительная борьба может помочь выйти из кризиса.

Lotta comunista, ноябрь 2025 г.